

Дорофея Ларичева

ПИИРИМЫ

ИСКРЫ И ХИМЕРЫ

Пилигримы

Дорофея Ларичева

Искры и химеры

«РОСМЭН»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ларичева Д.

Искры и химеры / Д. Ларичева — «Росмэн»,
2015 — (Пилигримы)

ISBN 978-5-353-07343-7

Во второй книге серии «Пилигримы» – «Искры и химеры» – события вновь сыплются на главную героиню Дорофею как из рога изобилия. На планете отравленными цветами распускаются губительные аномалии. Странное Общество Зари выращивает армию страшных существ, слишком сильных, чтобы быть людьми. Дорофее вновь предстоит принимать совсем не детские решения, завести новых друзей и врагов, довериться памяти Дельты. И самое главное – поверить в себя, в то, что она способна приносить пользу и отвечать за жизни других людей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-07343-7

© Ларичева Д., 2015
© Росмэн, 2015

Содержание

Земля-56. 2036 год. 3 августа. Город Барск. Дорофея	6
Москва. Вероника Ильина	10
Город Барск. Дорофея	17
7 августа. Барск. Дора	22
Барск	37
Память Павла	38
Барск. Ника	40
8 августа. Барск и окрестности. Дорофея	44
Ника. Поселок где-то между Барском и Москвой	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дорофея Ларичева

Искры и химеры

© Дорофея Ларичева, текст, 2015

© ЗАО «РОСМЭН», 2015

* * *

Земля-56. 2036 год. 3 августа. Город Барск. Дорофея

– Я не Дарья Фелисия! Слышите, я не Дельта!

Она снова барабанила в дверь, зная – не откроют.

– Позовите мне Нику! – требовала Дорофея. – Роберта Ноэля или Бронислава Соловьева!

Она сбила кулаки в кровь. Ноль реакции.

– Скажите хоть, что с Лансом! Пожалуйста! Он жив? Его клонировали?

Тишина.

«Не допускают к нему, пусть хотя бы скажут, что с ним, изверги!» – Девушка прижалась спиной к прохладному пластику двери и глубоко вздохнула, силясь успокоиться. Порой казалось, даже здесь она ощущала его боль и одиночество. Она помнила парня искалеченного, обожженного, замотанного в бинты. Только бы удалось вырастить клона и пересадить в него сознание Ланслота!

Как и она, Ланс был мигрантом. Здесь таких пришельцев из параллельной реальности называли пилигримами.

В свои шестнадцать с половиной лет Дорофея выяснила, что миров множество – чудесных, удивительных, порой ужасных, так не похожих друг на друга. Только на ее родине, Земле-1, было известно, как минимум, пятьдесят шесть миров. И когда обстоятельства сложились так, что Доре не стало места в родном мире, она решилась на миграцию. Именно на Землю-56 отправил ее Бета – таинственный и могущественный человек, один из Императорской Пятёрки, которую Ланс поклялся уничтожить.

Воспоминания кружились перед глазами, вспыхивали и гасли каплями дождя за стеклом, дробились огнями далеких небоскребов на другом берегу Бездонного озера. Она на карантине. И даже когда заключение закончится, за ней все равно будут следить, она же пилигрим. Полтора месяца назад, 16 июня по местному счету, она впервые воспользовалась установкой ретросдвига, преодолела грань реальности и очутилась здесь.

Мирам нет числа, но попасть возможно лишь в тот, где живет двойник пилигрима, – часто похожий на него, его зеркальное отражение. На Земле-56 Дору «дождалась» ее ровесница – Маша Иванова. Искра Дориной души отыскала собственное зеркало.

От подселения Дорофеи Машу спасло то, что в этом мире знали о мигрантах, чувствовали их приближение и могли подготовиться, не допустить слияния двух личностей.

Родители Маши, узнав об опасности, грозившей дочери, вырастили свободную оболочку – генетического клона Ивановой Марии. В это тело и вселилась душа Дорофеи. Миграция наделила Дору чудесными способностями и втянула в сложные интриги влиятельных людей и спецслужб. Девушке пришлось многое пережить, даже отправиться в родной мир и возвратиться обратно. И вот теперь она снова в Барске, на Земле-56, взаперти.

Пару раз Дорофея пыталась применить свои способности хамелеона (один из странных даров миграции) и выбраться из ловушки. Как бы не так! Стоило ей стать незаметной для других, пересечь невидимую черту в коридоре, как вдоль стен загорались красные линии, а по полу при каждом шаге растекались алые круги. Как сбежать, если не умеешь летать? Девушка почти отчаялась. Стоило ли возвращаться сюда, чтобы попасть в плен?!

– Я не она. Я не Дельта, – беззвучно повторяли губы. Но после очередной ночи в это верилось все меньше.

Сегодняшний сон – тяжелый и вязкий, точно загустеваящий клей, вновь подорвал ее уверенность в себе. Дорофее привиделся пляж незнакомого мира. Волны лениво перекачивали мелкие камешки, скручивали в колтуны водоросли, перебирали ракушки. Утреннее небо светлело, тучи уползли за мыс, увенчанный белой башней маяка, точно восклицательным знаком. Готовое подняться из-за гор солнце робко прощупывало небо первыми лучами, золотило кор-

пуса далеких рыболовецких кораблей. После трехдневного шторма те рискнули подойти ближе к берегу, растянуться тонкой линией вдоль горизонта.

Говорят, мигрантов тянет к большим водоемам. Что же, в том воплощении она отыскала целое море.

Во сне у Дорофеи было незнакомое имя – Гелика. Но семилетняя кроха просила называть ее Дарьей Фелисией.

Будущая Дельта поставила плетеную корзину возле большого плоского валуна, расстелила на нем сложенное в четыре слоя одеяло из козьей шерсти, взобралась с ногами. Свежо. Прохладный ветер чуть коснулся заспанного лица, взъерошил длинную челку. Дарья Фелисия застегнула верхнюю пуговицу старой кофты, вытащила из корзины сверток с бутербродами и термос с чаем, неторопливо приступила к завтраку. В полдень она встречается с Петей (который вскоре прославится под именем Эпсилон) и отправляется искать остальных. Те где-то рядом, она чувствовала.

Хорошо, что в этом мире у нее только отец, и то – сам мигрант. Было бы неприятно объяснять, отчего она больше не Гелика, втолковывать – зачем тихоне, обожавшей играть в куклы, понадобились учебники по математике, механике, электротехнике. И не абы какие, а лучших светил науки.

Девочка покончила с завтраком, достала из корзинки книгу и блокнот – пора работать.

«Гелика!»

Это отец.

Отлично понимает, что она Дарья Фелисия, а не Гелика, но до сих пор не может привыкнуть. Тяжело переживает потерю дочери, но не отказывается от нее, даже помогать начал.

Порой совесть напоминала об отнятых чужих жизнях, о горе родных. Тем предстояло наблюдать, как тело любимого чада захватил чужак, не собирающийся дожить в принявшем его мире даже до совершеннолетия. Тогда Дельта напоминала себе: «А меня хоть кто-нибудь жалел?» – и совесть умолкала, уползала обиженной собачонкой, скуля и жалуясь.

«Гелика! Даша! – требовательно крикнул издали отец. – Тебя мальчик ищет, говорит, его зовут Вениамин!»

Дарья Фелисия рассмеялась, прыгнула с камня и...

И Дорофея проснулась перепуганная, вспотевшая.

Неужели у Ноэля не получилось? Неужели в ней, точно неизлечимый недуг, осталась гадкая старуха Дельта? Или просто от монолита памяти погибшей мигрантки отшелушиваются чешуйки и падают к ногам Доры, мол, смотри, кого ты в себе победила?

Она, наверно, в миллионный раз попыталась вызвать макросеть, спрятаться от кошмаров там, но ощутила лишь пустоту вокруг.

Минуло восемь дней, как девушка вернулась в Барск, в дожидавшееся ее тело в лаборатории, и была направлена на карантин без объяснений и рассуждений. Не она одна в себе сомневалась. Другие тоже старались, убеждали: смотри, вылезет Дарья Фелисия наружу, натворит дел! Но проверить это было некому, почти все сенсы – люди, способные видеть и чувствовать энергетические потоки, умчалась по делам в столицу.

Дарья Фелисия Ярис, Дельта... Воспоминания о ней были болезненными и противными. Кто-то считает счастьем делить собственное тело с пилигримом, слышать его мысли в голове. Для Дорофеи это оказалось пыткой, едва не стоившей ей жизни. И если бы не Роберт Ноэль с его всевидящими очками и чудо-пультом, управляющим установкой ретросдвига, Доры уже не было бы в живых.

Невысокая женщина по имени Рита с аккуратной прической каре, курносый носом и темно-вишневой помадой на крупных губах внимательно осмотрела девушку, подробно рас-

спросила ее о событиях на родине, заявила: «Вернется Ника, соберем консилиум насчет тебя» – и оставила скучать здесь, в трехкомнатных апартаментах.

Со стен скалились африканские разрисованные маски. С леопардово-пятнистых покрывал на мягкой мебели свисали длинные кисти с крупными бусинами. Гигантские засушенные бабочки в стеклянных рамах постепенно теряли блеск; время разъедало тонкий белый узор на их глянцевых синих крыльях. Вся эта роскошь выглядела насмешкой незнакомых людей и дождя над юной пленницей.

Доре выдали книги, поставили стереосистему с терабайтами музыки разных направлений. Девушку исправно кормили четыре раза в день вкусными, незнакомыми блюдами, а чтобы не растолстела от обилия пищи, в углу самой просторной из комнат установили велотренажер.

В конце восьмого дня появилось первое знакомое лицо. Кошей. Григорий Константинович Крылов, Председатель Комиссии по развитию города Барска вошел в ее палату неспешным шагом, пододвинул к себе стул и присел на самый его краешек, скрестил на груди руки. Казалось, от любого ее резкого движения он встрепенется и вылетит в окно черным вороном.

«Закрывается, как может», – поняла девушка, явственно ощущая его сомнение. Она молчала, изучая морщинистое лицо, холодные глаза, и понимала – сочувствия от этого человека лучше не ждать.

– Всех вызвали в столицу для дознания, – не здороваясь, сообщил Кошей и откинулся на высокую резную спинку стула. – Парень твой жив. На реабилитации сейчас там же. Клон не очень хорошо воспринял душу после миграции. Та разрывается между обожженным телом и новым костюмом из плоти и костей. Но это первая подобная пересадка. Могло быть и хуже.

– Что с ним? – испугалась Дора, подалась вперед и чуть не соскользнула с чересчур мягкого кресла. Между лопаток стало больно и зябко.

– Вроде с речью проблемы, координация движений нарушена. Почти все сенсы из Никиного центра помчались к нему. В столице, говорят, есть какая-то умная установка, которая помогает пилигримов из тела в тело перемещать. Будут пробовать пристроить несчастного в еще один клон. Оба твоих любимых профессора вызвались помогать.

– А я? – всполошилась девушка. Ланс там далеко, продолжает мучиться! По ее вине, между прочим! Позови она тогда на помощь, уберегла бы Ланса от Гаммы...

– Тебя некому проверять и контролировать. Я звонил Ноэлю. Он считает, что Дельту он убил, а тебе следует доверять. Однако, – Кошей поднял указательный палец, – оставшиеся здесь члены Комиссии предпочитают поостеречься. Но я, – он жестом предупредил рвущиеся у Доры возражения, – готов взять на себя такую ответственность. Мне нужен специалист по пилигримам, а в Никином центре я никого не знаю.

Кошей сделал эффектную паузу, наконец расплел руки – с облегчением, ведь он сказал все, что хотел, чего боялся. Он доверился девчонке – маленькой, дерзкой, из незнакомого ему мира. Он переступил через себя и сейчас даже рад, что не спасовал.

Дора засмотрелась на золотой перстень на его правой руке, на игру света в крупном зеленом камне. Кажется, тот назывался изумрудом и был невероятно дорог.

– После недавних событий в Комиссии открылись три вакансии. У меня на них есть свои люди. А из столицы сюда едет опасный для меня гость. Выясни, что у него на уме. Ты природный психолог, так?

Дора кивнула. Благодаря особым генам своего двойника она иногда чувствовала эмоции окружающих. Умение было неразвитым, требующим шлифовки и внимания со стороны наставников. Ника обещала начать обучение с сентября. Это было давно, целую жизнь назад. Причем не ее жизнь, а Дарьи Фелисии – ее зеркала. Попробовать стоит, это хотя бы даст ей шанс вырваться из тюрьмы, именуемой карантинном.

– Сделаю все, что скажете, – вызвалась она.

– Хорошо! – Кошей явно обрадовался. Неожиданный гость волновал его гораздо сильнее, чем какая-то Дельта. – Тебе принесут одежду и проводят вниз. Я жду на крытой автостоянке слева от крыльца. Синий «фольксваген».

Неожиданно легко для своего возраста он вскочил со стула и вышел вон, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Да! – тихо выдохнула девушка.

Наконец-то какие-то события! Наконец-то она нужна другим. Ей этого так не хватало и на родине, и восемь дней здесь. И у нее появится шанс узнать что-то про Ланса.

Она буквально выхватила из рук молоденькой медсестры пакет с одеждой. Натянула джинсы прямо на короткие шорты. Белый свитер с колючим воротником-стойкой оказался в самый раз. Туфли слегка жали, но разве стоило обращать внимание на подобные мелочи, когда вот она – свобода!

Через минуту она уже прижималась лбом к машинному стеклу, силясь рассмотреть хоть что-нибудь сквозь тугие ливневые струи. Но видела лишь огромные серые крылья воды, распахавающиеся из-под колес.

Кошей монотонно бурчал:

– В офисе тебя уже ждет моя секретарша. Столичного гостя встречать, а выглядишь замарашкой! Наташка тебя сводит в магазин, одежду поприличней подберет, в салон красоты зайдете. Знаешь, – вдруг произнес Председатель, – уж лучше бы к нам инопланетяне пожаловали, чем вы, пилигримы.

– Ну, извините, не оправдала надежд, – насупилась Дора. Скорей бы Ника вернулась! Рядом с наставницей девушка чувствовала себя куда уверенней.

Москва. Вероника Ильина

Ника с любопытством вертела в руках коробочку. Через прозрачную пластиковую крышку разглядывала шоколадную розу – хрупкую и невероятно красивую. На темных тонких лепестках светились капельки росы из белого шоколада.

– Даже есть жалко. Она подняла глаза на улыбающегося Роберта Ноэля. – Ты меня избаловал. То съедобные цветы, то лучший китайский чай пуэр, то мой портрет из янтаря и малахита. Привыкну, не ровен час.

Улыбка профессора стала еще шире. В строгом костюме, в своих невероятных очках, которые уже включили в состав обязательной формы всех специальных военных подразделений страны, Ноэль умудрялся выглядеть уютным, домашним. И оттого Ника начинала его бояться. Бояться ответственности за чужую привязанность, чувства и мысли. Оказывается, за годы одиночества она позабыла – как это: впустить в свою жизнь любимого, но далекого для тебя человека, подстраиваться под него, учитывать его желания.

Они встретились на пороге больницы. Ника еще раз взглянула на подарок и аккуратно положила его на сиденье машины. Неприятные предчувствия с утра мучили Веронику Ильину, заставляли оглядываться, прислушиваться к окружающим, чутко реагировать на малейшие изменения общего энергетического фона.

Вот и сейчас чей-то тяжелый, неприятный взгляд заставлял ее сводить вместе лопатки, держать ровнее спину. Взгляд провожал Нику с малолюдной узкой улочки внутрь больницы, ужом полз по коридорам. Хамелеона нельзя увидеть, но почувствовать – реально. Интересно, охраняют важного пациента или больницу целиком? О собственной важности Вероника не задумывалась. Кому она тут может понадобиться, раз в мире творятся столь глобальные и удивительные события?

Вчера, когда в Москве было шесть утра, какой-то немец выложил в Интернет неясным способом добытые данные о мигрантах, теперь повсеместно называемых пилигримами, сенсах, клонировании. Много информации, вплоть до имен конкретных людей. Это была не первая попытка рассказать миру правду, но самая удачная. Уже к девяти часам новость на всех языках разлетелась по Сети. Власти совершили ошибку – принялись отчаянно все отрицать, опровергать, объявлять неудачной мистификацией, чем только раззадорили журналистов. Ранее мелькавшие только в бульварной прессе сведения вызвали шквал комментариев.

А к ночи в Японии появилась публикация, что глава одной из самых крупных азиатских корпораций – пилигрим, пришелец из иного мира. К правдивым документам приплели короб домыслов и компромата. Несколько правительственных чиновников потребовали народного расследования, привлекли прессу. В результате утром начался обвал на Токийской фондовой бирже. Экономисты уже прогнозировали затяжной мировой кризис, красовались в телевизоре, рисуя сценарии развития событий один кошмарнее другого.

Нынешний день только выглядел солнечным. Любой сенс или природный психолог мог почувствовать, как закручиваются, завязываются в узлы темные энергии, ожидания чего-то недоброго, неизбежного.

Ника мотнула головой, растрепав аккуратно уложенные волосы. Прочь все лишнее, она пришла навестить ассистента Роберта и своего бывшего воспитанника. Вчера вместе с шестью сенсами они пересадили сознание Ланса в новый клон (невиданное дело для научного сообщества!). Час назад передали – юноша очнулся.

– Как он? – спросила она у Роберта, поднимаясь следом за ним по лестнице.

Ощущение тяжести за спиной, казалось, вдвое усиливало гравитацию земли, вдавливало в пол. До чего же сильный охранник, она не думала, что такие бывают!

– Переведен из реанимации. Открыл глаза, попросил воды, напился и уснул, – покачал головой Ноэль. – Что-то подсказывает мне, – он постучал по висящим на воротах рубашки очкам, – что на этот раз все получилось. Тех жутких багрово-черных всплесков энергий вокруг мальчика я не разглядел.

Ника промолчала. С Лансом она намучилась. То ли обгоревшее тело не отпускало душу, то ли прежний клон вышел неудачным, потребовалась новая пересадка. Со страхом она приближалась к палате.

Пусть Роберт не чувствовал ее эмоций, не нацепил на длинный нос свои чудо-очки, он все понял. И взял ее за руку. Вероника была благодарна ему за эту поддержку, в ответ сжала теплые пальцы Ноэля и толкнула дверь.

Ланс лежал на широкой кровати бледный, абсолютно лысый, даже без бровей и ресниц (второй клон готовили в ускоренном порядке).

К голой груди парня и к голове крепились датчики. Провода уходили под одеяло. Всю стену за кроватью занимал диагностический комплекс – приборы, мониторы, сканеры состояния, прямо выставочный стенд последних достижений в медицинской технике. Показания снимались ежесекундно и передавались в соседний кабинет, где круглосуточно дежурила бригада врачей.

Слева от Ланса у стены в путах капельниц лежало обгоревшее тело, закутанное в бинты, точно мумия. На всякий случай, вдруг что-то пойдет не так.

Нике до жжения в глазах стало жаль мальчика. И какая разница, сколько ему лет накопилось за многочисленные миграции, все равно мальчик. Ланс давным-давно не тот инспектор, который отправился мстить убийцам своей семьи. Он проживал жизни ребенка, вырослел и вновь оказывался в детском теле. По мнению Ники, за эти годы он так и не повзрослел.

От цоканья каблучков по кафельному полу пациент открыл глаза.

– Курорт устроил, значит, разлежся! Тела, будто костюмы, выбирает: то ему плохо, это не по фигуре! – накинулся на него Ноэль. – Мне помощник нужен, слышишь, лентяй?

Ланс удивленно заморгал и улыбнулся.

– У меня отпуск, – ответил он тихо.

– Ну, слава богу, в своем уме! – обрадовался Роберт, уселся рядом с другом: аккуратно, чтобы не задеть провода. – У тебя максимум полторы недели на восстановление, – опередил он Нику. – Тут такие дела творятся! Ни Москва, ни Барск в стороне не останутся. Справишься за полторы недели?

– Постараюсь, – улыбнулся юноша. – Только я пока не чувствую дара.

– Насмешил дикобраза голой пяткой! – хмыкнул Роберт. – Я тебе даже без дара работу найду, не соскучишься.

– Дорофея...

– Вернулась, – мгновенно ответила Ника. – Тебя дожидается.

– Ага, мечтай дальше, – поддразнил своего ассистента профессор. – Какого-то московского гостя встречает. Кошей перепугался без сенсов-то, девочку экскурсоводом нанял.

«Зачем Кошей сенсы, способные управлять энергиями? Неужели даже в Барске не будет покоя?» – подумал Ланс.

– Что за фрукт? – встрепелась Ника. – Кто к моей мухоловке пробрался?

Она вскинула голову, прощупывая помещение. Не следят. Значит, тот взгляд, что она чувствовала спиной, – все-таки чья-то охрана. Надо аккуратно навести справки. Даже интересно, кого столь усердно стерегут.

– Павел Левашов, – раздался позади них голос Бронислава. Профессор Соловьев тоже пришел проводить парня. «Хотя, – подумалось Нике, – скорее всего, меня или Роберта, Бронька просто так в гости не ходит». – Крылов и меня просил собрать информацию об этом типе.

– Собрал? – Ника начала закипать. – Почему все знают, что девчонкой распоряжаются без моего ведома? А я, наставница, ни сном ни духом? Выкладывайте, какой ревизор заставил трястись от страха самого Кощея?

– Его биологический возраст – тридцать четыре года. Общий – больше полувека. Природный психолог, слабый сенс, журналюга и лицедей, – емко охарактеризовал его Роберт. – У себя на родине был успешным фокусником. Гастролировал по всему континенту, пока при странных обстоятельствах не угодил сюда. У нас он занялся маркетингом и политикой. Помогал Зиновьеву в прошлой избирательной кампании. Успешно отмыл депутата от политической грязи, на которую не скупилась конкуренция и пресса. Доброго слова о нем я не слышал.

– Я тоже, – вставил свои пять копеек Броня. – При миграции занял тело местного парня по имени Семен. Сема сильно перетрусил, после разделения полностью попал под его влияние. Недавно Павла Левашова резко повысили с должности рядового сотрудника отдела информации, назначив каким-то экспертом...

– Не каким-то, а начальником отдела пропаганды.

Роберт с удовольствием вступил с Брониславом в соревнование «кто больше знает». Тренировались они каждый день, и Нике эти перепалки начали надоедать. Она приблизилась к юноше и внимательно его осмотрела. Вроде все получилось. Энергия в норме, таланты сенса и психолога никуда не делись, просто не успели проснуться. Прежнее тело можно отключать от аппаратуры.

– Этот отдел долгие годы объяснял людям, что пилигримов не существует, сенсы и прочие – горячечный бред фантастов. У них даже сценарист какой-то в штате, кажется, был. Сериал молодежный делали, недалекий от правды, чтобы объяснять слухи и домыслы, – продолжал Роберт Ноэль. – По их версии всякие мутации – результат плохой экологии, солнечных вспышек, козней инопланетян, а не мигрантов.

– Садись, пять! – буркнул Броня. – Много начирикал, бойкий воробышек.

– Упражняешься в птичьих сравнениях, о звонкая услада моих ушей! Спой, соловушка, не каркай.

Ника отвлеклась от их перепалки. Похоже, профессора поладили. Враги и конкуренты не станут часами придумывать колкости, а потом сообща делать общее дело, понимая друг друга с полуслова. Хотя Бронькина зависть никуда не делась, притаилась, точно краб под камнем.

– Спасибо, – тем временем коснулся ее запястья Ланс.

– Чепуха, – отмахнулась Ника. – Отращивай шевелюру и возвращайся к нам. Не то какой-нибудь красавчик твою Дору уведет.

Она встала с кровати, задумчиво потеряла переносицу и улыбнулась, приняв решение:

– Я отправляюсь в Барск, пока нашу мухоловку конкуренты не перевербовали. Обойдетесь без меня.

– А мне расскажете, что творится? – взмолился Ланс.

– Лечись, детка, тебе сказали – всему свое время. – Роберт поправил одеяло и вышел за Никой.

Броня молча кивнул парню и двинулся следом. На лестнице он подотстал, пропуская вынырнувшего из бокового коридора мужчину, половина лица которого была заклеена пластырем, и кудрявую девочку в полосатой кофте, с объемным рюкзаком. Раненый цепко оглядел удаляющуюся парочку и Бронислава, подтолкнул девочку вперед, поторапливая.

– Ноэль, – окликнул Соловьев проворного профессора. – Те аномалии, о которых сегодня говорил генерал, могут быть результатом отключения метеоритов. Ты не думал об этом?

– Не имею понятия, – пожал плечами Роберт не останавливаясь. – Пока я ни одной своими глазами не увидел.

Ника ускорила шаг, словно пытаясь убежать от прошлого. Метеориты – мощнейшие излучатели, сброшенные на Землю-56 из иной реальности, стали причиной генетических мутаций многих людей, в том числе и ее самой. Именно благодаря метеоритам Ника стала сенсом, природным психологом. А ведь были еще и другие таланты, гораздо более опасные, чем управление энергиями или ощущение чужих эмоций.

Императорская Пятёрка – Альфа, Бета, Гамма, Дельта и Эпсилон – под руководством древнего-древнего пилигрима по прозвищу Координатор мечтали превратить ее мир в аттракцион для пилигримов. Даже название придумали – проект «Эдем». Они предприняли просто фантастические усилия, чтобы изменить реальность, и, если бы не Илья Рюкин, Дорофея с Лансом и Робертом, нынешняя и шумиха и биржевой кризис показались бы комариным укусом по сравнению с ожидаемыми бедствиями.

– У меня есть координаты двух мест в Подмосковье, – сообщил Бронислав, нагнав влюбленных. – Нам обоим нужен ассистент. Пока Ланс выздоравливает, поработаем вместе?

Ну вот, все и прояснилось, Ника даже ощутила облегчение. Бывший муженек решил пристроиться за «паровозиком» гения, авось что-то да перепадет. У Броньки сейчас не лучшие времена, ему пинок творческий нужен.

Роберт задумался. Даже с шага сбился. И кивнул.

– Судя по фото и видео – штука нехорошая. А два ума надежней одного, – согласился он, заставив спутницу удивленно изогнуть брови. Неужто в голосе гения прозвучали радость и облегчение? С чего бы?

Если Роберт Ноэль ожидал, что Соловьев отстанет и даст ему возможность пообщаться с Никой, он жестоко ошибался. В чужом городе Бронислав не знал, куда себя деть, и искренне обрадовался компании.

– Подбрось до метро, – попросил он Нику.

Та кивнула. Она даже понимала Броню. После уютного Барска, где они входили в число градоправителей, здесь над директором центра клонирования и именитым профессором обнаружился десяток разного плана начальников. На них по поводу и без ругались военные, политики, гоняли из кабинета в кабинет. Без уважения, без малейшего «спасибо» за совершенные подвиги. Наоборот, удивлялись, как это сенсы с учеными до сих пор не навели порядка в стране, не разобрались с невесть откуда взявшимися аномалиями и людьми, потерявшими чувство реальности. А таких было достаточно.

Сегодня, например, генерал так рассказывал про обрушение Токийской фондовой биржи, будто Ника и компания были виновны в этом лично. Хотя события разворачивались прямо по сценарию Ильи Рюкина. И от грядущих перспектив бросало в холодный пот.

Ника вырулила из тихого переулочка, где располагалась больница, на широкий проспект, проехала пару кварталов, но вдруг резко крутанула руль влево, едва успев проскочить на зеленый, помчалась на ощутимый только для нее сигнал.

– Эй, шеф, мы гонки не заказывали, – попробовал остановить ее Роберт.

Ильина проигнорировала предупреждение. Неприятные предчувствия, мучившие ее с раннего утра, выкристаллизовались в осознание непоправимости происходящего. И она не успевала что-либо изменить.

Несколько улиц они миновали, невзирая на ограничения скорости, затем выехали на проспект. И сразу оказались в пробке. В конце квартала в воздухе висела машина и медленно вращалась. Белый корпус блестел на солнце, на стеклах и зеркалах плясали солнечные блики.

– Далеко! – выдохнула Вероника, выпрыгнула из своего служебного авто и кинулась к неожиданному аттракциону, посмотреть на который собралась приличная толпа.

Роберт с Брониславом поспешили следом.

Под кружащейся машиной стоял человек в белых одеждах, громко выкрикивал про преображение мира, суд над грешниками, про то, что он вестник чего-то там темного, мрачного,

нехорошего. Всю речь было не разобрать, ибо в пойманной им машине человек сигналил, кричал, колотил в закрытые двери.

Ника добежала до толпы и врезалась в широкую спину сотрудника ДПС.

– Уводите людей! Скорее! – потребовала она.

Полицейский медленно повернулся к ней, посмотрел мимо остекленевшими глазами. Проклятье! Их противник еще и гипнотизер!

Ника растерла ладони, концентрируя энергию, и что есть силы залепила мужчине щечину. Тот покачнулся, но в себя пришел.

– Людей уводи! – Ильина потрясла у него перед носом удостоверением.

Она встряхнула кисти рук и двинулась сквозь толпу, одного за другим пробуждая загипнотизированных.

– Уходите, здесь опасно. Уходите, тут ничего интересного. Вас дома ждут, – заглядывала она в их лица.

Бронислав, как самый высокий, рассмотрел пробивающегося с другой стороны полковника Марата Тагаева с командой бойцов в изобретенных Ноэлем очках. Те действовали проще, эффективней.

– Тот, кто немедленно не покинет проезжую часть, будет арестован! Не задерживайте движение! – кричал помощник Марата в микрофон.

Народ зашевелился, зашумел, кто-то поспешил прочь, кто-то, наоборот, вытащил мобильный телефон или планшет и начал снимать происходящее.

Ника отступила назад, позволяя людям пройти. Напряжение нарастало, заставляя сердце громко колотиться о ребра. Что-то грядет. Человек, поднявший машину в воздух, безумен. Сильный сенс, только осознавший свой талант, может быть опасен. Он не понимает открывшегося ему мира, боится его, ищет любые, даже самые нелогичные, сумасшедшие объяснения наполняющим пространство энергиям, бьющемуся и пульсирующему дыханию земли, яркому мерцанию вокруг живых созданий. А то и вовсе лишается рассудка, если рядом не оказывается опытный наставник.

– Никки, это что за клоун? – Сзади подкрались Роберт с Броней.

– Дикарь, – тихо ответила она, наблюдая, как помощники Марата грамотно отводят людей на безопасное расстояние, как Марат подходит к безумцу, негромко успокаивает, тянется к багетке на поясе. – Вчера или сегодня дар в себе открыл, с катушек съехал без призора.

После расследования дела Пятерки Ника с Тагаевым не пересекалась и сейчас рада была его увидеть.

Что-то в словах сенса задело дикаря, взволновало. Энергии закрутились бурами и густо-фиолетовыми смерчами, заставили машину в воздухе завертеться с удвоенной скоростью, воздух вокруг человека сгустился, пошел чуть заметной рябью. Ильина отстегнула свою багетку – энергетическое оружие сенсов, сжала быстро нагревшуюся трубку в ладони, сконцентрировалась.

– Марат, уходи! – завопила Ника, подалась вперед, но Броня успел схватить женщину за плечо.

Псих что-то выкрикнул и отшвырнул Марата на обочину, метнул следом машину – туда, где еще оставались любопытные. Марат хоть и ударился, притормозил полет груды железа над собой, но не выдержал тяжести груза. Машина с грохотом рухнула прямо на полковника.

– Не-е-ет! – закричала Ника.

Раздались выстрелы, псих осел на мостовую, зажимая раны на груди и животе. Белые рубашка и брюки окрасились алым.

Целую секунду над кварталом висела тишина, потом звуки вернулись, зашумели люди. Кто-то кричал, вызывал «скорую», ругался. Искореженная машина задела еще несколько любопытных.

Ника вырвалась из цепкой хватки Брони и побежала к обломкам. Роберт не отставал.

Бронислав Соловьев оперся о ближайшую машину, пытался справиться с головокружением и дурнотой. Вопли, стоны, кровь... Ника, усевшись на асфальт, раскурочивала протянутую кем-то аптечку, помогала Роберту перетягивать жгутом кровоточащую ногу молодой женщины.

– Оцепите район! Проверьте, не было ли у него сообщников!

– Кто стрелял? Кто отдал приказ стрелять?

– Помогите-е-е!

– Пропустите врачей!

– Кто стрелял, я спрашиваю?

Броня стоял в стороне, не в силах пошевелиться, не в состоянии смотреть на чужие раны. Во рту было горько, желудок сворачивало от боли, Соловьев искал в себе силы и мужество выстоять. Не нужно иметь способности сенса, чтобы понять: мир никогда не станет прежним. Не из-за сенсов или пилигримов. Из-за людей, из-за их желания применить свою силу во имя разрушения.

Воздух пах пылью, выхлопами миллионов машин. Ветер уносил прочь конфетный фантик, гнал его между замерших в пробке авто. И Бронислав сконцентрировался на этом желто-зеленом клочке полиэтилена от лимонной конфеты, чтобы не видеть, что ветер помимо фантика уносит чужие жизни.

«Наверняка кто-то уже выложил кадры случившегося в Интернет, – подумал профессор с какой-то отрешенностью. – Вместо того чтобы помочь или хотя бы отойти в сторону, освобождая путь спасателям и полиции, люди стремятся растиражировать свою причастность к любому сколь угодно малому событию. Как это низко, недостойно мыслящего человека!»

– Мужчина, вам плохо? – тронул его локоть один из зрителей трагедии.

Броня переступил с ноги на ногу, потерял равновесие, нелепо взмахнул руками и упал на колени.

– Врача сюда! – долетели до него чьи-то истошные вопли.

Соловьев уцепился за открытое боковое стекло машины, попытался встать, но провалился во тьму и уже не увидел, как только что интересовавшийся его самочувствием невзрачный мужичок средних лет, плотного телосложения безразлично прошел мимо в компании хрупкого юноши в шляпе и марлевом респираторе.

– Паника нам на руку, – назидательно говорил мужчина спутнику. – Даже не стоит самим что-либо предпринимать. Ты подготовил почву, люди вырастят плоды, Витель позаботится о химерах, а его дочь – о послушании нужных нам людей. Через неделю правительство этой страны, а потом и всего мира исполнит любые наши требования.

– Да, Орэф!

Юноша кивал, взглядом умудренного жизнью старика скользил по искаженным ужасом лицам, вновь и вновь убеждаясь, сколь сильно ему повезло встретить мудрых союзников. Наверно, даже лучше, что тот незнакомый немец спутал их планы, раскричался о пилигримах сейчас.

– Главное – не допустить утечки информации, – поделился очередной порцией переживаний молодой человек.

Названный Орэфом человек усмехнулся, оглянулся через плечо на людскую суету и успокоил спутника:

– Ты у нас суперзнаменитость, впору автографы раздавать, тебя не заподозрят. Единственного мигранта, способного раньше времени догадаться о наших планах, Ланса Шамина,

мы заберем к себе со дня на день, едва окрепнет. Заодно прихватим опекающую его начальницу Барского центра клонирования. – Орэф снова оглянулся, но в потоке людей, стекающихся к месту катастрофы как муравьи к сахару, уже не разглядел Веронику. – Кстати, твою хорошую знакомую, – напомнил он юноше. – Ее завербует Чара. Мир ваш, мой мальчик. В награду исполните лишь одну просьбу вашего покорного слуги. – Он приподнял шляпу и поклонился.

Парень в респираторе только фыркнул, возражать не стал. Видно было, что Орэфа он побаивался.

Город Барск. Дорофея

Шагая следом за Председателем, Дора вновь и вновь прокручивала в памяти свое расставание с Лансом. Простит ли он ей Дельту? Как он смотрел на нее там, на Земле-1! Каждый раз, вспоминая тот момент, девушка хотела закутаться в теплое одеяло, спрятаться куда-нибудь подальше, затаить дыхание. Его ведь спасут обязательно, не позволят искре души угаснуть, и они встретятся. И что тогда? Что она ему скажет? А он ей? Сегодня ей на миг даже показалось, будто Ланс рядом, стоит только протянуть руку.

Посадочная площадка продувалась не хуже аэродинамической трубы. Вертолет не мог так лавировать в воздухе, как шлюп, потому для него часть крыши всегда оставалась открытой. Воздушные лодки уютно стояли под полупрозрачным синим куполом, защищенные от дождя.

Председатель поднял воротник плаща и вышел под противную, совсем не августовскую морось. Он сильно нервничал, поднимал морщинистое лицо к небу, вытирал платком намочившие седые волосы. Дорофея осталась под навесом, слушала болтовню работников стоянки, наблюдала, как аккуратно взлетал шлюп. «С-шлип, с-шлип, сш-ш-шлип», – пропела серебристая с синими разводами на корпусе лодка, прежде чем раствориться в непогоде. Ей отозвался рокот приближающихся моторов.

И вот, разрубая винтами дождевые нити, на площадку сел военный вертолет защитной окраски. Один за другим из него посыпались люди, потащили ящики с оборудованием, чемоданы – все как один с одинаковыми наклейками. Дора насчитала девять человек и уйму багажа.

Когда имущество сгрузили на подготовленные тележки, один из прибывших, некрасивый, похожий на лису человек, размашистой походкой приблизился к Председателю и продрогшей до зубной дробы девушке. При первом взгляде на него Дора позабыла про холод. Мигрантка ожидала от гостя опасности, неприязни, коварных замыслов. Чем еще может быть страшен противник Кощея? Но Павел Левашов располагал к себе сразу.

Высокий, гибкий, непривлекательный, он все равно приковывал к себе внимание. Узкое вытянутое лицо было бледным и жестким. Дорофея не нашла в нем ни одной плавной линии. Даже брови казались какими-то изломанными, слегка несимметричными. Густо-черные глаза, в которых радужка по цвету соперничала со зрачком, создавали впечатление бездонных провалов. Острый нос задирался кверху, губы пухлые, алые. Кривоватая усмешка и впалые щеки портили впечатление.

И все-таки девушке почудилось, будто она встретила давнего друга – лучшего, самого надежного, верного. Умом она понимала – это один из странных талантов, которыми наделили людей и мигрантов метеориты. Но душа словно превратилась в преданную собачонку и счастливо виляла хвостиком.

– Радоваться мне или ужасаться, что вы не подались в адвокаты? – поздоровавшись, холодно спросил Председатель. – У вас бы ни одного, даже самого закоренелого преступника, не осудили.

– У меня и не осудят. Тем более нас, пилигримов. – Он улыбнулся Дорофее. Зубы у него тоже оказались некрасивыми, мелкими, кривоватыми. – Я прибыл сюда снимать фильм о клонировании и миграциях. Наверху решили, что правда лучше любых домыслов.

В числе прибывших Дора долго высматривала двойника Павла и нашла с большим трудом. Несмотря на схожесть черт, Семен Левашов терялся на фоне клона. Если Павел был огнем, Семен остался пеплом, безликой тенью, безропотной и безвольной. Гипсовая маска лица, опущенные уголки губ, тяжелые веки, взгляд в пустоту. Он ловил каждое движение клона, словно спрашивал разрешения на каждый вздох. Жалкое зрелище.

Перешли в кабинет. Председатель включил обогреватель, указал Доре на стул рядом с собой, сам уселся, скрестив ноги и руки.

Павел Левашов усмехнулся, положил расслабленные кисти рук на стол, подался вперед, внимательно изучая собеседников. Лисье обаяние куда-то подевалось. Теперь перед ними сидел готовый к атаке хищник. Вот-вот прыгнет, когти в грудь вонзит!

– Давайте напрямую. – Голос прозвучал хриловато, надтреснуто, зато глаза как угольки по-прежнему горели охотничьим азартом. – У нас приказ о сотрудничестве. Ваша паника мне понятна. Увы, отделаться от меня рапортом и перепоручить девчонке-малолетке у вас не выйдет.

– Послушайте! – Кощей аж привстал со стула. На старческих впалых щеках запылал гневный румянец.

– Вы послушайте! – не позволил себя перебить гость. – Рапорты я читал внимательно. И знаю о вашей мечте заполучить новую жизнь. Почтовый ящик не проверяли?

Кощей мотнул головой. Павел улыбнулся:

– Некто до сих пор рассылает влиятельным людям путевки в бессмертие. Кто-то из получателей сразу бежит к нам, кто-то ведется и переводит на счета мошенников астрономические суммы. Вы сами должны понимать: мы на грани войны. Миграция с нашей стороны сейчас под запретом. И чтобы ситуация изменилась, нам следует очень хорошо поработать. Девушка, вы хотите сниматься в кино? – Он обернулся к Дорофее.

– Я лучше сама стану режиссером, – отозвалась та, пытаюсь как можно полнее считать его эмоции. Получалось плохо. Гость скрывал слишком много, пугал и притягивал. Пробыть бы его досье по макросети или по ее местному прообразу – Интернету...

Он откинулся назад, развалился на стуле. Даже неискушенная в одежде Дора оценила элегантность его сливово-синего костюма и почти черного в тонкую оранжевую полоску галстука. Короткие темно-каштановые волосы торчали ежиком и влажно блестели под электрической лампой.

– У меня большие полномочия, – продолжал гость, – и светлая цель – грамотно донести информацию о пилигримах до простых смертных.

Дорофея прикрыла глаза. Ей представились два зверя – седой матерый волк, никогда не щадивший противников, но ослабший в многочисленных схватках, и молодой огненный лис, очень крупный, хитрый и не менее опасный. Они спорили и ругались, а девушка видела схватку двух хищников. Она не вслушивалась в слова. Только видела – лис явился сюда за славой. Ему точно воздух требовалось чужое обожание, похвалы, восторг.

Кощей подобных людей презирал. Девушка перевела взгляд на старика. Она вдруг поняла, чего тот боялся – войны. Боялся, что обнародование информации о пилигримах может ее спровоцировать.

Вдруг дверь в кабинет Председателя с шумом распахнулась, впуская внутрь Веронику Ильину.

– Здравствуй! Мне, конечно, неловко нарушать вашу милую беседу, – она говорила тихо, цепко рассматривая умолкших мужчин, – но хотелось бы знать, что вы себе позволяете!

От интонаций в голосе повеяло приближающимся торнадо. Даже не успевшая обрадоваться наставнице Дорофея вжала голову в плечи, точно ожидая удара.

– Мало того, что девочку на цепь посадили, еще и за дрессировку принялись! *МОЯ* мухоловка, личная, ручная! Вы хоть понимаете, чем рискуете? И не возражайте, вы мне больше не начальник!

– Ника, тихо, – схватился за голову Председатель. – У меня сейчас давление подскочит. Никто твою подопечную не съел. Лучше познакомься...

– Его досье я по дороге читала, – не стала разводить вежливость Ильина, – и знаю о настоящей цели прибытия. Роберт с Броней заявятся со дня на день, а меня пока попросил Илья Петрович, да-да, тот самый генерал, который пилигримами заведует, поводить гостя по центру клонирования и попозировать перед телекамерами. Сделаем.

– Никуша, не тараторь. – Кошей попытался решить дело миром. – Наташа сейчас чай... Ильина его проигнорировала, сканируя гостя своим немалым даром.

– С Чарой Липа и Альбертом Хохловым я уже договорилась об интервью. Через четыре-пять дней к ним вылетим, едва здесь материал отснимем, – сообщила она.

– Во как быстро! – невежливо присвистнул Левашов. – А меня поставить в известность?

– Обойдешься. – Ника была слишком зла, Дора даже испугалась, когда в кабинете замигали лампочки. – Кстати, Марата убили, – вдруг сказала она. Лампа прямо над головой сенса погасла и больше не загорелась.

Дорофея так обрадовалась наставнице, что не сразу вникла в смысл ее слов. Марата? Того бородатого полковника, который расследовал дело Пятерки? Стало нехорошо, будто все копившиеся изо дня в день дурные предчувствия обрели форму и цвет.

– Кто? – спросила девушка.

Ее не услышали. Ника выиграла с Кошеем дуэль взглядами и ухватила Дорофею за руку.

– Пошли посекретничаем.

В квартире Ника небрежно кинула вещи на пол, стащила с плеч шерстяной жакет, швырнула поверх чемодана и отправилась в оранжерею. Она усадила Дору в кресло, сама устроилась на пуфике.

– Кстати, мелирование тебе не идет, – осмотрев Дорину новую прическу, выдала она.

– Это Наташа, секретарша Предсе...

Ее не дослушали.

– Рассказывай, что без меня было!

Девушка послушно выложила все – и про заточение в номере, и про гостя.

– Я знаю, для чего он здесь, – заявила Ильина.

– Для чего? – не удержалась Дора, услышав в интонации наставницы намек на очередной государственный секрет.

– Много будешь знать, любопытная мухоловка, не возьму завтра с собой забирать Машу. Говорят, в садах за городом яблоки поспели, – добавила она мечтательно.

– Ника, а во мне осталась Дельта? – задала девушка волновавший ее вопрос и пересказала сон.

Ильина поднялась с пуфика, осмотрела мигрантку, обошла кресло вокруг и легонько щелкнула Дору ногтем по кончику носа.

– Во всяком случае, я не чувствую ее присутствия. Но я не заметила ее при твоём первом перемещении, как не рассмотрела в Броне Координатора, каюсь. Люди странные, сложные инструменты, которых даже взглядом-рентгеном не поймешь, – развела руками сенс. – Не выдумывай себе трудностей. Я прослежу за тобой, в случае чего предупрежу.

Тем же вечером в просторной московской квартире собрались руководители Общества Зари. Название пришло из другого мира, из чужой истории, но как нельзя лучше подошло для их задумки. Тайное общество без проработанной идеологии и символики состояло из нескольких сотен человек. Они не собирались заявлять миру о себе столь рано, но немец-правдолюбец и российское правительство, решившее больше не скрывать информацию о пилигримах, вынудили их поторопиться.

Руководителей было четверо. Антон Верховицын, привыкший откликаться на имя Витель – высокий моложавый брюнет, половина лица заклеена пластырем. Марина – стройная крашенная блондинка с крупными, но приятными чертами лица. Илья – очень красивый юноша, передвигавшийся по городу в марлевой повязке и надвинутой на глаза шляпе. И Орэф – простоватого вида мужчина в годах с глубокими залысинами на висках. За исключением последнего персонажа, заговорщики выглядели весьма озадаченными.

В зеленовато-желтом свете торшера комната казалась поляной в озаренном полной луной сказочном лесу. Главные действующие лица расположились на сдвинутых вплотную друг к другу полукруглых диванах. У терявшихся в полумраке стен между тяжелых антикварных шкафов недвижимыми соснами застыли телохранители. Таить от них слова и мысли главы Общества смысла не видели. Такие через стену увидят и услышат, за километр почуют. Для того выращены и натренированы, своим создателям преданы безоговорочно.

– Теперь у нас все преимущества. – Казалось, Витель успокаивал сам себя. – Подумаешь, не в декабре, а сейчас начали. Большой эффект будет, правда, Илья?

Бледный юноша сосредоточенно кивал, думая о своем, накручивая на палец длинную серебряную цепочку. Вчера он приказал изготовить медальон, подчеркивающий его высокий статус. На нем из беспокойных волн поднималась скала с флагом, за скалой сияло солнце.

Нужно, конечно, заняться идеологией, символикой, продумать, каких еще людей вовлечь. Но это позже. В данный момент перед ними стоят более насущные задачи.

Илья разглядывал полученную час назад серебряную пластину с чеканкой и пытался свыкнуться с мыслью, что звание Магистра месяц назад нежданно-негаданно досталось ему, пусть знаменитому, но все же... На месте Орэфа он никогда бы не сложил с себя полномочия.

– В Барск выехал некто Левашов, – продолжал Витель, – снимать фильм о нас, мигрантах-пилигримах.

– Пусть снимает. – Орэф пригубил остывший кофе. – Он тип тщеславный, но безобидный. Во всяком случае, был когда-то таким.

– Ты и с ним знаком? – поразился Илья, оставляя в покое побрякушку.

– У меня обширные связи. – Скромный консультант Магистра не спешил исповедоваться. – Чем их считать, лучше совместно с Мариной обмозгуй собственное выступление по телевидению. Через неделю-другую команда Левашова сверстает кино о пилигримах, тогда и поговоришь с народом по душам. Витель, сосредоточься на химерах и разведке, я укажу, с кем еще должна побеседовать твоя дочь после Шамина.

– Мы примем твои советы к сведению, – впервые за вечер подала голос Марина. – Не слишком ли много командуешь? За что отвечаешь ты сам?

– Я выберу подходящие аномалии, если что – создам свои. – Его явно забавляла неприязнь женщины. Та до сих пор считает, что муж мог бы куда лучше управлять Обществом, чем именитый мальчишка. Что ж, ее право.

– Твоей обязанностью было привлечь новые инвестиции, уговорить тех, кто сможет вложиться в дело по максимуму! – настаивала женщина. – И еще я думаю, мы слишком осторожничаем.

Она проигнорировала, когда муж предостерегающе коснулся ее руки.

– Будут инвестиции, – спокойно отвечал ей Орэф. – Новость о спасении Ланса Шамина разлетается со сверхзвуковой скоростью. Перетащить искру души из клона в клон больше никто не смог. А насчет осторожности у меня куда больший опыт, чем у всех вас, вместе взятых. Я знаю, как надо действовать.

Марина усмехнулась и откинулась на спинку дивана. «Однажды ты оступишься, – мстительно подумала она, отворачиваясь от своего врага и благодетеля в одном лице. – Ты оступишься, ошибется твой любимчик Илья, а я буду готова».

Она хорошо помнила, как изменилась ее жизнь четыре года назад, когда во время командировки Вителя в их гостиничный номер в Геленджике вошел тот, кого они искали и почти выследили – нарушитель энергетического спокойствия по всему побережью.

Едва незнакомец назвал свое имя – Орэф, стала ясна причина смятения мужа. Витель ничего не скрывал от жены, и Марина уже тогда возненавидела незваного гостя.

Вопреки страхам, гость не стал требовать возврата старых долгов, но поманил несбыточной мечтой, растревожил спавшие амбиции, обрисовал перспективы, вмешался в карьеру

Вителя, случайно (а случайно ли?) вызвал Илью. Много чего наобещал – страшного и манящего. Теперь отступать поздно. И Марине это нравилось. Она не глупый страус, голову прятать не станет. Пусть воют, пусть побеждают. А уж они с Вителем сумеют воспользоваться их лаврами.

Орэф точно уловил ее замысел и чуть заметно улыбнулся.

7 августа. Барск. Дора

Ника принесла с собой ясную погоду – с ее приездом дожди пошли на убыль, а потом и вовсе иссякли. Вымытый город заблестел, распрямился, просушивая стеклянные бока небоскребов, крыши жилых многоэтажек и густую зелень скверов и липовых аллей.

Наставница с Дорой забрали Машку на следующий день. Поначалу та с интересом выпрашивала про путешествие Дорофеи в родной мир, про Дельту и ее гибель. Местная Иванова охала и даже слегка завидовала приключениям своего клона.

– Обалдеть! А ты реально с ним целовалась? С Бетой? – обмирала она, требуя подробностей. – Не жалеешь о его гибели?

Вот любопытная заноза!

– Нисколько, – прислушавшись к себе, призналась Дорофея. Забавно, самой мигрантке почти не вспоминался самый могущественный пилигрим из Дельтиной компании. – Мне жаль того, в кого он вселился, чью жизнь украл. И жизни тех троих, похищенных его друзьями.

Потом Машка загрустила, принялась ныть, что ее никуда не отпускают гулять, не покупают обновки, запрещают заводить друзей. На нытье никто внимания не обращал.

Днем Ника обычно отсутствовала, либо таскала девушек с собой на скучные собрания, беседовала через браслет с таинственным Ильей Петровичем, как выяснилось, генералом, ездила на съемки с Левашовым. И все время повторяла: «Девчонки, не знаете, что в мире творится, и не надо, крепче спать будете. Завтра приедут наши ученые, они разберутся».

Но ученые не торопились. В Никином центре клонирования шептались, будто Роберта вызвал к себе для доклада сам Президент и что гений получил невиданные полномочия, финансирование, лично набрал команду для борьбы с загадочными аномалиями. Много о чем шептались, но шепотки не складывались в единую картину. Слово «аномалия» звучало все чаще, и неожиданно для себя Дора связала его с Павлом Левашовым.

В общей напряженной атмосфере Дорофею охватила жажда действий. Она выпросила у Ники ноутбук и все вечера и ночи напролет проводила за изучением современных операционных систем, языков программирования. Заодно пока запретила себе думать о Лансе, визите на родину, о Бете, Наде, родителях, знакомых хакерах. Даже о Дельте. Пусть воспоминания улягутся, утихнут, тогда можно будет сесть и старательно обдумать, что же с ней произошло.

К тому же Дора сделала два неприятных для себя открытия. Во-первых, она тосковала по дому. Отправляясь в неизвестность в прошлый раз, она твердо знала – это на три года. А сейчас мигрировала навсегда.

Во-вторых, у нее обнаружилась реальная ломка без макросети. Навязчивая идея проверить сообщения, заглянуть на боевой хакерский остров, сыграть в игру преследовала ее, стоило остаться наедине с собой.

Чтобы отвлечься, она принялась изучать технологии новой родины. Знакомое занятие на время гасило чувство тревоги. Если бы еще печатный текст не раздражал! Как люди умудряются прочесть целые библиотеки, не задумываясь, что их можно просто скачать на чип и в фоновом режиме залить в мозг?

Поговорить бы с кем-нибудь понимающим. Машке такое скучно. Ника отмалчивается. Ланс лечится, ему к компьютеру доступа нет.

А еще Дорофее постоянно снились сны. Задремав на рассвете прямо за столом, она пробудилась встревоженной и долго не могла понять, где находится. Ей привиделся двухэтажный дом с высоким крыльцом. Крики мальчишек-газетчиков – такие звонкие, что долетали из соседнего квартала. Хлопанье дверьми в доме напротив, где жила многодетная семья учителя гимназии Мстислава Тульского. Привиделась мать Антонина, которая в гостиную беседовала с тетей Полей, а маленькая Василина музицировала на фортепиано. Пахло корицей.

Муж тети Поли владел булочной, потому в доме Даши всегда был свежий хлеб и ароматная выпечка.

– Дашенька, иди к нам, хватит читать книжки, – звала ее мать.

Ее? Что за дурость?!

Дорофея резко отодвинула стул от стола и встала. Голова закружилась, но обрывки сна съезжились и позорно спрятались во мрак отступающей ночи.

Нет, нет! Брысь! Изыди! Она потеряла уши и затылок, пошла умылась. Зачем ей пропахшие нафталином древности?

Но память Дарьи Фелисии упорно не желала исчезать, возвращаясь к Доре причудливыми осколками старого калейдоскопа. Вчера, например, ей привиделся семейный ужин, прогулка в экипаже по сияющей первым снегом набережной. Позавчера – скомканный листочек с неумелыми стихами, который второпях передал на выходе из церкви веснушчатый сын доктора.

«Нет ее во мне! Ни голоса, ни мыслей! Нет, ее Роберт убил!» – твердила Дорофея, пытаясь унять каждый раз накатывающий ужас. Даже Ника раз за разом подтверждала – Дельта умерла. «Может, в сознании, как в излеченной от вируса программе, остались фрагменты вредоносного кода, сейчас безобидные», – маялась девушка. И все же она была уверена: в снах, в пробивающихся воспоминаниях скрыто нечто важное для нее и для остальных тоже.

После одного из таких снов сидеть за ноутбуком расхотелось. Над городом пылало жаркое солнце, будто предлагая сбежать в парк, скинуть босоножки и пройти босиком по газону, усестись на нагретые камни, ограждавшие фонтан, с рожком мороженого и красочным журналом. Вдобавок наставница вчера выделила девушкам приличную сумму денег на покупки. Куда Машка свои деньги потратит – даже нет смысла гадать, и так понятно. Недаром замирала перед витриной с платьями и сумочками.

Поэтому мигрантка решила не дожидаться пробуждения «сестренки». В компании Маши будешь бродить следом, смотреть, пока модница перемеряет половину магазина, а потом не сможет определиться, что ей больше к лицу. Дора вызвала лифт и с радостью окунулась в пробудившийся город. Магазины только открывались, посетителей было мало. Никто не мешал выбирать, расспрашивать продавцов, разглядывать витрины.

Сколько всего необычного и удивительного, того, чему на Земле-1 в 2099 году не нашлось места. Наручные часы, бумажные книги и блокноты, проигрыватели... А симпатичные резные фигурки и веера в Дорином мире вообще можно было найти только в индийских и китайских кварталах.

Дора приобрела себе планшет, способный скатываться в трубочку, вместительную сумку через плечо, портативный голограф – слабенький заменитель макросети, позволяющий при игре в компьютерные игрушки и удаленном общении создавать иллюзию реальности. Не удержалась, купила часы – массивные, с открытым механизмом – вращающимися шестеренками. Продавец сказал, что такое чудо именуется скелетоном и требует завода раз в два дня. Девушка долго разглядывала движение механизма, плавный ход стрелок, обнаружила в левом нижнем углу циферблата крошечный электронный экран с датой, временем, датчиком пульса. Потом вычитала на коробке, что в часы встроен плеер, и полезла за кошельком.

– Настоящий стимпанк, – сообщил продавец, долговязый парень с выкрашенными в синий цвет волосами. В смешном кожаном жилете и с перстнями-черепами он, как ни странно, смотрелся к месту среди сотен тикающих часов, механических игрушек, кинетических скульптур, необычных украшений, шарфов и сумочек со странной символикой.

– Панк чего? – не поняла девушка.

Продавец охотно пустился в долгие объяснения. Что-то про английскую королеву Викторию, девятнадцатый век, паровозы, пароходы. И Дорофея поспешила сбегать на свежий воздух. Хватит с нее на сегодня погружений в историю.

В кармане оставалось не так много денег, и хранить их девушка не планировала. Она замерла перед витриной ювелирного магазина. Неужели только Машке можно кокетничать и покупать украшения? Вон как маняще блестит браслет из переплетенных виноградных листьев. И совсем недорого, ведь не серебро, сплав. Зато как будет сочетаться с часами!

– Помогите! Кто-нибудь помогите!

Зов о помощи прозвучал не тихо, но обернулась одна Дора. Люди бежали мимо, погруженные в свои мысли, словно пребывали не в реальном мире, а в макросети. Длинные шлейфы дел и проблем тянулись за ними, мешая рассмотреть окружающий мир.

Привалившись спиной к фонарному столбу, звал на помощь мужчина лет тридцати пяти – сорока на вид, взъерошенный, в замазанной краской рубашке. На плече неуклюже болталась папка на завязках.

– Что с вами?

Мигрантка растерялась. Она впервые видела в этом мире человека, нуждающегося в помощи, и не знала, как себя вести, как вызывать помощь.

– «Скорую»? Полицию? – спросила она, делая шаг к мужчине.

– Не подходи близко! – Он резко выбросил вперед руку, останавливая ее.

Дора отшатнулась. Ей показалось, будто рука мужчины сделана из стекла. Так и есть, сквозь пальцы и верхнюю часть ладони просвечивает улица.

– Видишь, что со мной? Вдруг я радиоактивен? Не подходи!

Дорофея попятилась.

– Так чем помочь? – не сдавалась она.

– Проклятье! Это же город ученых! Вызови умников! Что они натворили, раз со мной...

Он не договорил, страх и подступающие к горлу рыдания не позволили. Ему было так страшно, что стоявшую рядом девушку-психолога охватила паника. Хотелось кричать, бежать, лишь бы скрыться от всепоглощающего ощущения ужаса.

– Погодите, я знаю, кого позвать, – сориентировалась Дора. – Подождете? У меня есть знакомые. Я быстро! – выпалила она на одном дыхании.

– Валяй. – Мужчина вздохнул и сполз по столбу на асфальт. – Постараюсь не окочуриться.

Дорофея со всех ног побежала к институту, до которого оставалось меньше двух кварталов. Если не Ника, то ее помощники точно откликнутся на зов.

В стеклянных дверях Дора налетела на ту самую Риту – вредную тетку, продержавшую ее на карантине по возвращении на Землю-56.

– Что случилось? – поймала та Дору у лифтов.

– Там... там... – Все никак не могла отдышаться девушка. – Человек. У него рука стеклянная.

– Стой здесь.

«Мучительница» набрала на браслете комбинацию цифр и вызвала Нику.

– Вероника Степановна, Дорофея встретила человека, побывавшего в аномалии. Он уже рассеивается.

Ника спустилась через минуту. За ней – двое мужчин в серых костюмах химзащиты. Дору подхватили под руки и запихнули в машину.

– Показывай!

Девушка испугалась не на шутку. Что творится? Выходит, Ника знала о прозрачных людях и опасалась их! Игнорируя светофоры, включив сирену, машина пролетела расстояние до фонаря за несколько мгновений.

– Бригаду сюда! – скомандовала Ильина в браслет, едва увидела жертву. – Пусть бросают все. Нам нужны помощь и оцепление.

Мужчина сидел там же, полуприкрыв глаза, спрятав руки под рубашку. Возле него возмущенно ругалась с полицейским пожилая женщина:

– Ему же плохо! Что бы с ним ни случилось, требуется помощь...

– Мы и есть помощь, – сунула женщине и полицейскому под нос браслет со звездой Комиссии Вероника. – Очистите квартал! Это приказ.

Полицейский не растерялся, взял женщину под локоть и повел прочь, по рации сообщая коллегам о происшествии. А по улице, распугивая сиреной машины, уже мчались на подмогу три легковушки и фургон.

Вероника приблизилась к человеку, присела рядом:

– Ваше полное имя, возраст, адрес?

– Андрей Васильевич Белозеров, две тысячи второго года рождения. Улица Циклотрона, дом сто семьдесят шесть, квартира восемнадцать.

– Покажи, где тебя задело, парень. – Мужчина в костюме химзащиты склонился над ним. Из-за маски на лице голос его звучал глухо. – Встать можешь?

– Не чувствую ног, – со слезами в голосе признался несчастный. – Руки не мои, плечи еще ощущаю. Сердце бьется, поэтому жив. Почему вы ничего не предпринимаете?! – выкрикнул он, высвобождая из-под рубашки прозрачные кисти рук. Теперь странная прозрачность поднялась вверх, руки просвечивали до локтей.

– Мы не знаем, что с вами творится, – призналась Ника, жестом останавливая закутанного в защитную форму подчиненного. – Вы третий в мире, с кем случилось подобное.

Врет, поняла Дора. Далеко не третий.

– Чем вы занимались и где, когда поняли, что что-то не так? – продолжала расспросы Ильина.

Работники института тем временем перекрыли квартал, пригнали какую-то ремонтную технику, чтобы оправдать свою суету в глазах горожан. Неведомо откуда появился Павел Левашов с кинооператором и двойником, подкрался совсем близко и негромко командовал взрослому парню в смешной детской панамке:

– Снимай это, снимай!

– Пожалуйста, скажите моей жене и дочке Любе, что я их люблю, – вместо ответа заплакал Белозеров. Слезы текли по его лицу, и он размазывал их растворяющимися руками. – Со мной ведь все кончено? Я их не увижу больше?

– Мы не знаем, что происходит.

Ника попыталась его успокоить. Но прикоснуться к жертве неведомых сил опасалась. Только медленно подула в его сторону. Дорофея не могла видеть энергий, как это делали сенсы и обладатели очков разработки Ноэля, и все же понимала – наставница как-то воздействовала на человека энергетически. Истерика прекратилась, взгляд стал более осмысленным.

– Приблизь кадр. Я хочу крупный план! – продолжал командовать «лис». – Эй, Семка, оббеги вокруг него, подсвети для лучшей картинки. Свет мой, зеркальце, быстрее ногами перебирай!

– Прекратите! – не выдержала Дорофея. – Он хочет увидеть семью, а вы устраиваете шоу!

Как же это жутко: раствориться, растаять! Дора знала, ведь она сама чуть не растворилась в Дельте!

Вместо пальцев у Белозерова клубился мутный туман. Папка за спиной истончилась. Сквозь правый бок жертвы уже просвечивал силуэт рекламного щита с эмблемой сотового оператора. И все происходило не в макросети, а в реале. Человек рассеивался!

– Не лезь, – через плечо бросила Ника. И тут же обратилась к умирающему: – Рассказывайте быстрее, чтобы больше никто так не погиб!

Дора вдруг поняла, что делает наставница. Она изучает, запоминает все, что творится с гибнущим человеком. Его всепоглощающий страх уже не захлестывал окружающих. Ощущалась лишь зависть к ним, что они будут жить, а он – нет.

– Я художник. Вернее, дизайнер, а рисую в свободное время. Знаете, что за недостроенным комплексом небоскребов «Небесная струна» есть лесопарковая зона?

Вероника кивнула.

– Я хожу туда рисовать. – На лице мужчины появилась улыбка. – Там еще ручей протекает, звонкий такой, вода чистая. Пока строительство остановлено, в лесу тихо, ничто от работы не отвлекает. Только сегодня голова кружилась с утра. Я с семи часов там был. Как жена в детский сад Любочку повела, так и пошел.

Он посмотрел на руки с неразличимыми кистями, на прозрачную грудь и ноги до колен и опять расплакался. Ника терпеливо ждала. А ее помощники уже звонили дальше, предупреждали оцепить парк.

Больше он ничего сказать не успел. Прозрачность добралась до голосовых связок, поднималась выше. Шестеро сенсов синхронно встали и обступили его кольцом, пристально наблюдая, как погибал человек.

Девушка отвернулась. Она пропускала сквозь себя эмоции окружающих, а сама на удивление была пуста. В реальность происходящего не верилось. Даже когда Вероника тихо сказала: «Он ушел. Совсем», – Дорофея не ощутила ничего, кроме облегчения.

Ника переводила растерянный взгляд с тающего силуэта человека на Левашова и обратно.

– Ничем не могу помочь, – невесело сощурился «лис» и дал знак оператору прекратить съемку.

– Поговорим, когда Роберт с Броней прилетят, часа через три, – вздохнула Ильина. – Мухоловка, идем с нами. По крайней мере, я буду спокойна, если проконтролирую твои передвижения. Роза приведет Машу.

Дора не возражала. Она твердо решила разобраться со всем происходящим. Что, если в случившемся снова виновны мигранты?

Профессора явились неожиданно быстро, всего через час с небольшим, – чужие, деловитые, важные, устроили совещание в просторном конференц-зале института клонирования, посмотрели видео с гибелью Белозерова и признали свою полную беспомощность.

– Надо изучать, – сухо сказал тогда взлохмаченный Роберт, теребя повязанный на шею пестрый платок. – Машину времени смонтируют после полудня. Оператор у меня имеется, напарник тоже. Ты, Павел, – обратился он к Левашову, – будешь ключом.

– То есть мое досье читали все, – усмехнулся столичный гость, и Дора уловила его тоску.

Значит, предчувствия ее не обманули и он действительно связан с аномалиями. А может, и с гибелью того художника? Девушке стало страшно. Но сидевшие рядом люди не торопились арестовывать «лиса», и она чуть успокоилась.

– Пока вашу машину времени настраивают, – не выдержал Левашов повисшей паузы, – давайте продолжим съемки. У меня по плану еще четыре наукограда и целая ферма клонов. Первый фильм должен быть сверстан и выпущен в эфир к концу недели.

– Действительно, пойдем, – спохватилась Ника. – Мухоловки, айда следом!

– Я остаюсь здесь. – Дора выразительно поглядывала то на Роберта, то на Бронислава. Ну, помогите, подыграйте! Машка сразу надулась, отвернулась. Вот ведь нежданная проблема!

Роберт проигнорировал. Он вообще выпал из реальности, оживленно перебирая пальцами по зависшей в воздухе голографической клавиатуре ядовито-розового цвета. По бронзово-загорелому лицу бродила мечтательная улыбка. Гений опять где-то витал!

Броня листал блокнот, делал пометки. Еще есть слабый шанс на помощь великана. Соловьев, вы же не настолько бессердечны!

– Бронислав Виленович! – Дора вспомнила громоздкое, словно небоскреб, имя ученого. – Мне очень интересно все таинственное. Можно с вами остаться? Пожа-а-алуйста!

– Да-да, конечно, – пробормотал Соловьев, снова зарываясь в блокнот.

– Смотри, им некогда про твоего Ланса рассказывать, – сдалась Вероника. – Едем, Павел.

Про Ланса... Она и так выпросила все, что могла. Вчера им дали поговорить по телефону. Голос парня звучал вполне бодро, но разве скажешь что-то важное, когда за спиной караулят Ника с Машкой? А Доре так хотелось поведать, как она скучала, как плакала ночами там, на Земле-1, думая, что никогда его не увидит. Как винила себя (и до сих пор винит) в его недуге!

Они наконец ушли: рыжеволосая женщина в зеленой цыганистой юбке до пола и высокий некрасивый человек, наделенный нечеловеческим обаянием. В его присутствии Дора до сих пор терялась, путалась в словах, а Машка краснела, точно тревожная кнопка над дверью Никитино кабинета.

Дорофея дождалась, пока пара исчезнет из виду, и обратилась к Роберту, коснувшись порхающей по клавиатуре руки, чтобы привлечь внимание:

– Мне очень нужно с вами поговорить.

– С какой стати мы на «вы»? – удивился ученый, не поворачивая головы. – Мы же договорились, я не древний старик, чтобы требовать почтения и уважения к своей отнюдь не дряхлой персоне.

– Прости.

Дорофея смутилась. После того как она была Дельтой, после возвращения в Барск девушка чувствовала себя неловко рядом со своим спасителем. Но промолчи она сейчас, потом может стать некогда.

– У меня действительно есть вопросы и предложения.

– Помогу, – не прекращая печатать таинственный текст, кивнул Роберт. – Разберусь с аномалиями – и сразу. У меня есть хорошая замена чипу. Главное, безопасная, – ошарашил он ее, будто прочтя сокровенные мысли. – С программным обеспечением тоже помогу, парней хороших порекомендую, если сама не справишься. Эти даже за «спасибо» будут счастливы работать, главное, чтобы интересно было. А макросеть – еще как интересно.

– Откуда вы... ты знаешь? – вообще-то она хотела расспросить про другое.

– Грандиозные идеи всеобщей информатизации нашей реальности еще в твоём неслетлом будущем на мордашке читались. Ты без электронных штучек жить не можешь, и я тебя понимаю. Хотя... – Он скосил глаза на ее запястье. – Механическую игрушку одобряю. Стимпанк всегда в моде.

И этот туда же! Вот любитель древностей!

– Я просто хотела предложить любую посильную помощь. Информацию поискать, посмотреть, подслушать, я же хамелеон. – Девушке стало неловко. А то вдруг Роберт решит, будто она только о себе думает.

– Это само собой, – согласился Роберт. – Тебе помогу в любом случае. Мечты должны сбываться. Иначе они тянут к земле, мешают двигаться дальше, сковывают твои мысли и решения, отравляют душу. Несбывшиеся мечты – как перегруженный товарняк без тормозов: в любой миг сойдет с рельсов и исковеркает тебе жизнь.

Дора промолчала. Попробуй пойми гения.

– Кстати, мне твоя помощь действительно нужна. Напарником в машину времени полезешь? – спросил он ее.

Девушка кивнула. Разве можно отказываться от шанса разобраться во всем первой? Машка за спиной недовольно фыркнула.

– Тогда пойдем посмотрим на аномалию, убившую вашего маляра. – Он взмахнул рукой, будто развеивал дым, и клавиатура исчезла. – Бронька, не зевай, хватай тяжеленный чемодан с Гавриком, топай следом.

Сам он подхватил рюкзак, по виду тоже не легкий, и зашагал к выходу.

...Лесопарк Дорофее показался тайгой. От раскопанного котлована и недостроенных небоскребов на окраине Барска он тянулся до горизонта. Во всяком случае, с вертолета его дальней границы девушка не увидела.

Маша окончательно расстроилась, отвернулась от клона, точно чужая, не реагировала ни на вопросы Бронислава, ни на шуточные подначки Роберта. Ноэль, наоборот, ожил, любовно поглаживал планшет, вполглаза изучая столбики цифр и извивы графиков на экране. А едва высадились на поляне, вперед всех резвым зайцем помчался к аномалии.

Маша поплелась в хвосте среди незнакомых ученых. Дорофея решила не тревожить ее – захочет, сама скажет, в чем дело.

Аномалия не поразила. Дора приблизилась к красно-белой полосатой заградительной ленте, разглядывая бледно-зеленый воздушный столб. Он светлел по мере отдаления от земли и полностью таял на уровне сосновых макушек.

Если бы кто-нибудь додумался одолжить девушке изобретенные Ноэлем очки, она бы разглядела, как уплотнялись сотовые сигналы, обтекая заколдованное место со всех сторон. Жемчужно-белесое чужеродное *нечто* поднималось из травы. Перламутровые и золотисто-зеленые ленты неведомых энергий переплетались клубком или просто извивались в воздухе, будто водоросли, мерцали и колыхались. Они уходили в глубь почвы и взмывали к верхушкам деревьев. Хрустальные прозрачные кристаллики кружились над землей, складываясь в узоры, рассыпаясь и снова собираясь в мозаику...

– Впервые вижу «бутылку»! – обрадованно заявил Роберт. – Их пока восемь!

Он нацепил очки, мельком взглянул сквозь них и обернулся к ученым, прибывшим сюда раньше его, выпросил про пробы воздуха, гравитационные отклонения и о многом таком, в чем девушка совсем не разбиралась.

– Предметы, попавшие туда, не рассеиваются. – К спорившим ученым подошел полный невысокий мужчина с тонкой ниточкой усов. Он, как и большинство персонала, был в костюме химзащиты, щедро украшенном датчиками. Из-за пояса, словно охотничий трофей, свисал противогаз. – Однако... – Он поманил Ноэля, обходя аномалию по часовой стрелке.

Вся толпа наблюдателей переместилась следом, чтобы увидеть за поваленным обгорелым стволом старого дуба разбросанные в траве тюбики с масляной краской и мольберт. С натянутого на нем холста смотрел утренний лес – загадочный, сверкающий росой, подернутый туманной дымкой у корней вековых сосен, а не тех молоденьких тонких сосенок, которые росли здесь ровными полосами.

Дора прищурилась, вглядываясь в переплетение ветвей на картине. По могучему замшелому дубу отважно карабкался выюн. С перекрестья ветвей смотрела большая кошка с кисточками на кончиках ушей. Смотрела прямо на поваленное дерево, над которым в реальности сейчас возвышалось зеленое *нечто*.

Конечно, художника было жалко. Но он же сам виноват! Сразу заметил – что-то не то, так почему сидел в самом эпицентре?

Зато Машка делала вид, будто происходящее ее не касается: отвернулась, грызла припрятанное в кармане яблоко.

– Пора допросить убийцу художника. – Соловьев вернулся к оставленному на пенке чемодану. – Ты Гаврика своего запускать будешь?

– Отчего ж не прогулять зверюшку? – с наигранным весельем ответил Ноэль. – Люди, спасайтесь кто может. Я буду ставить опыт века, – самонадеянно заявил он. – Да запомнят меня потомки!

Щелкнул замок, крышка раскрылась, и наружу выбрался металлический «пес». Был он удивительным хотя бы потому, что, помимо обычных лап под брюхом, имел колеса, а спереди две трехпалые клешни для манипуляций. Морду для робота Ноэль позаимствовал у детской игрушки. И теперь из металлического корпуса вырастала жутковатого вида белая плюшевая голова с черными пятнами и острыми ушами. Из одного уха торчал стержень антенны.

– Нравится песик? – Роберт был неисправим. – Мыши, крысы и морские свинки у нас закончились, в бой идет бронированная техника.

Пес бодро вышагивал вокруг своего создателя, виляя куцым хвостом с меховым помпоном на конце.

– Вначале отправим его, потом беспилотник, – решил покомандовать Броня. Ноэль не возражал.

А Дора с каждой минутой острее ощущала Машкино недовольство. Оно росло, зрело, готовое в любой момент выплеснуться на клона. И Дорофея решила – после эксперимента обязательно выяснит с ней отношения.

Роберт с Брониславом отогнали всех от заграждения, сами отошли еще дальше и запустили робота к аномалии.

– А если не сработает? – спросила Ноэля старая седая женщина, властная на вид, наверняка руководительница первой прибывшей сюда группы.

– Я предусмотрел дублирующие цепочки команд и механические таймеры. Даже электроника не выгорает там сразу.

– Это же «бутылка», – возразила дама таким тоном, будто говорила про обычную стеклянную или пластиковую бутылку, а не про нечто таинственное и смертельно опасное.

– Да хоть «пирамида» или «клякса», – пожал плечами ученый. – Я вчера «спираль» исследовал под Тулой. Вот там я скажу... Тсс. – Он приложил палец к губам, нацепил очки и пробрался поближе, невежливо оставив пожилую даму в одиночестве.

Гаврик приблизился к границе «бутылки». Шаг, другой. Зеленоватая муть нежно приняла в себя механическое существо.

Роберт стащил с шеи платок, под которым оказалось ожерелье из странных предметов. Девушка узнала камеру, несколько дырчатых кругляшей, напоминающих динамики, пару матово-серых коробочек, шершавых на вид.

– Давай, давай! – азартно подбадривал Ноэль свое создание.

Гаврик прошелся по траве, подпрыгивая на кочках, неуклюже замахал лапками, ища опору, и вдруг взмыл, вернее, покатился по воздуху, точно там была невидимая дорога.

– Прямо как в испанской «бутылке»! – охнула за спиной старая дама.

– Гравитационные приборы не работают, – доложил Броня, тоже приближаясь к Ноэлю.

– Вот дела! – Казалось, великий ученый был ошарашен и растерян, но быстро взял в себя в руки, даже заулыбался надменно и загадочно.

Он заглянул в свой любимый планшет, полистал таблички с результатами измерений, постучал по одной из коробочек ожерелья и напустил на себя еще более таинственный вид.

А Гаврик поднялся на полметра от земли и вдруг пропал. Только был – и уже нет.

– Показания идут. – Важность слетела с загорелого лица Роберта. – По данным очень похоже на «спираль». – Он медленно прошелся вокруг ограждения, даже пару раз приседал на корточки. С каждым шагом он все больше хмурился.

– Что думаете, профессор? – спросили его.

– Все законы физики летят к чертям, куда более дальним и вредным, чем в других видах аномалий. – Роберт нервно взмахнул руками. – Для лучшего понимания мне нужен Левашов. Только после обстоятельной беседы с этим милым человеком я изложу свою теорию.

Дальше Дорофея слушать не стала. Все равно ей ничего не говорили физические и технические термины, фамилии ученых и цифры из экспериментов. А с «лисом»-Левашовым она разберется в машине времени.

Гораздо важнее было выяснить отношения с Машкой.

– Эй, свет мой, зеркальце, – повторила она обращение Павла Левашова к своему двойнику. Даже интонацию скопировала. Сколько их девушка видела вместе, тот постоянно подтрунивал над Семей. – Пойдем объяснимся.

– По поводу? – Маха к ней даже не обернулась.

– За что дуешься? – не отставала Дора. Она постепенно уводила Машу подальше от спорящих людей. Туда, где за соснами стоял вертолет.

– Такая умная, поди догадайся, – огрызнулась ее местная копия, наподдав носком туфли шишку.

Теперь уже разозлилась Дорофея:

– Или говоришь, или отправляешься к Нике!

Девушка остановилась.

– Тебя волнуют их дела, их взаимные ссоры! А я не такая! У меня лето проходит мимо! Нормальное человеческое лето! – Маша не хотела, но в голосе прозвучали слезы. – Я на озере всего раз была! На дискотеку ни разу не ходила! С друзьями из прежней школы даже по телефону слова не сказала! Ты понимаешь, что я одна? Совсем! – выпалила Машка, глядя ей в глаза.

– Как – одна? – растерялась Дорофея. – А я? А Ника?

– Вы все взрослые! Даже ты, мой клон! Тебе с ними интересней. Ко мне относятся как к малявке! И ты тоже! И планы у тебя не детские! Думала, мне как сестра будешь, а ты...

– Вот уже извини! – Дора поняла, что готова накинуться на двойника с кулаками. – Ты ничего не знаешь об одиночестве! Когда кроме как в макросети и поговорить не с кем! Неделями! Твои родители рядом, а мои поставили условие: либо отправляйся с ними в безвоздушную черноту космоса навсегда, либо выживай как можешь. И здесь я тоже не хочу ни от кого зависеть. А потому начну свой проект, едва подвернется возможность. И учиться пойду на программиста. Мне знаний не хватает катастрофически!

– Я тебе не мешаю!

Машка отвернулась, собираясь уйти. Не тут-то было. Дора схватила ее за ворот рубашки и бесцеремонно развернула к себе лицом:

– Ты выслушаешь меня до конца!

Она приблизила лицо почти вплотную к Машиному, взглянула в чайно-карие с золотыми искорками глаза, блестящие из-под русой челки. В сознании двойника были страх, обида, гнев, желание уйти и расплакаться – все вместе. И от этого хотелось вначале отвесить ей подзатыльник, а потом обнять и дать нареваться вволю. Но Дорофея сдержалась.

– Видишь, что творится? То, что случилось с художником, может произойти с любым из нас! Разберись и помоги, потом развлекайся!

Машка нахмурила лоб. Ее пугала человеческая смерть, пусть виденная только на экране, аномалии, чужие тревоги.

«Страх – это хорошо, – решила мигрантка. – Ты чувствуешь, значит, не безнадежна. А что, если...»

Дора мало что умела как природный психолог. Она сосредоточилась и обрушила на двойника всю гамму чувств, ощущений, переживаний – своих и чужих, накопленных за день...

Маша отшатнулась, вырвалась, оттолкнула Дорофею так, что та упала. А сама испуганным зверем рванула прочь, спряталась в кабине вертолета и затаилась.

– Сразу выпустила тяжелую артиллерию? – Мягкий голос подкравшегося сзади Роберта слегка напугал Дору. Ученый был в очках, потому наверняка видел их обмен эмоциями.

– Пусть привыкает к новому миру. – Дора поднялась с сырой травы. Роберт даже не предложил ей помощь.

– Ты сама не в один день стала такой *самостоятельной*.

Последнее слово он произнес с особой интонацией. Девушка не поняла – насмешливой или жалостливой.

– Иди к ней. Извинись, уверен: обида не без причины. Достучись, объясни. – Он посмотрел на поблескивающий меж деревьев вертолет. – Сейчас слетаем пообедать и отправимся к машине времени. Мне передали – она готова, но я все равно проверю. Может, хоть что-то прояснится с этими чертовыми аномалиями!

Увы, Дорофея пропустила мимо ушей отчаяние в его голосе. Впервые знаменитый ученый, «русский Тесла», «черный маг электроники» не мог понять, что происходит и как себя вести в связи с этим.

Девушка побрела к Машке. Та сидела в кресле, поджав под себя ноги и глядя в одну точку.

– Ма-аш, Маха, – позвала ее Дора.

– Зачем ты так? – спросила та не глядя. – Зачем столько боли?

– Чтобы ты перестала жаловаться на жизнь и кланчить развлечений. Маша, я тебя не нуждаю следовать за собой, как Левашов своего двойника. Роберт прав, я эгоистка, позабыла про тебя в эти дни. Я не могу вести себя иначе, оставаться в стороне, когда могу помочь. Я тоже мигрантка, выходит, причастна к творящимся тут ужасам.

– Не ты это начала. – Машка смотрела в окно на покачивающиеся на ветру макушки сосен и многих-многих незнакомых Доре деревьев. Собственное поведение ей уже казалось глупым и детским.

– Маша... – Дорофея твердо решила помириться. – Чем бы ты хотела заняться в жизни? Кем быть? Мы с Никой поговорим, с Робертом, с родителями твоими. Они поймут.

– Не знаю. То одно интересно, то другое. Вот такая я непутевая. – «Сестренка» вытерла слезы краем блузки. – Не психологом, как требует Ника. Очень страшно лезть в чужие головы, – призналась она. – Я даже к родителям боялась заглянуть. Вдруг там нечто такое... – Маша недоговорила.

Дорофея кивнула. Своих родителей она не понимала раньше, без способностей. Не поняла бы и сейчас.

Так, не думать о Земле-1. Потом, позже. Иначе сердце и совесть разорвут ее между двумя мирами.

– Чем же я могу помочь, если ты сама не определилась? – спросила мигрантка.

– Не знаю, прости. – Машка заерзала на кресле, спустила ноги и пристегнулась. – Вон идут. – Она кивнула в сторону делегации ученых. – Пора лететь дальше.

...Машина времени Роберта была все такой же внушительной, неподъемной и ажурной. Только теперь сверху из переплетения металлических стержней торчала еще одна бирюзовая капсула – центральная, для Павла. Ноэль привычно слазил вверх проверить провода и антенны, а после точно средневековый алхимик нацепил кожаный фартук, на раскладном столике принялся колдовать над питьем для проводника – «лиса»-Левашова (в сознании девушки прочно угнездились это имя для московского гостя).

Памятуя об ощущениях внутри машины, за обедом Дора ела как можно меньше и теперь с завистью смотрела, как Машка уплетает крошечные жареные пирожки с абрикосом, посыпанные сахарной пудрой. Роберт накупил на троих целый пакет, а Машка слопала больше половины, не собираясь оставлять ни ей, ни суетливому ученому ни крошки.

Вечернее солнце припекало, и Дорофее захотелось поскорее покончить со всеми делами. Она вынула из сумки планшет, заглянула в почтовый ящик и чуть не запрыгала от радости. Письмо! От Ланса! К горлу подступил комок. Он помнит ее, думает о ней. Как же это здорово!

«Дора, Маша, вам больше нечего делать в Барске, – писал им Ланс. – Я лежу в больнице и не скоро из нее выйду, хотя бы потому, что ко мне приставили несчетную армию сенсов. Ты не представляешь, как они меня заисследовали! Все жаждут понять, как пересадить искру души из тела в тело, словно то не душа, а помидорная рассада.

Но у моего положения есть преимущества – могу следить, подсматривать. Свободу внутри больничного блока никто не ограничивает.

Вам вновь грозит опасность. Во-первых, некто жаждет вас забрать у Ники, шантажировать ее. Она не желает проводить эксперименты по переселению души на безнадежно больных людях. Вы – ключи к ней. Едва Ильина ослабит контроль (а она ослабит, начинается война), вас заберут. Не подставляйте ее, уходите как можно скорее. Сама она знать о побеге не должна, чтобы не выглядеть виновной в чужих глазах.

Во-вторых, на мигрантов охотятся. Наши знания, умения, сам факт существования – нестерпимый соблазн. Нас ловят, запирают, заставляют работать в угоду чужим амбициям. Не так, как мы работаем на государство. Сейчас мы относительно свободны в выборе жизненного пути. А в руках похитителей окажемся рабами.

Люди, чей разговор я подслушал, отправляются в Барск, быть может, уже там.

Дорофея, не доверяй никому. Забирай Машу, уезжайте в тихую местность, снимите квартиру и затаитесь. Вместе вы сила. Удачи. Ланс.

PS. Пишу с чужого ноута. Ответить на твои сообщения в ближайшие дни не смогу».

Письмо было отправлено вчера. Надо же, ни словом, ни интонацией не намекнул по телефону! И что из этого следует?

Дора подняла глаза. Никто, кроме Машки, не понял, как она взволнованна. Бежать? Куда? Зачем? Почему не говорить Нике?

Девушку охватило желание умчаться прямо сейчас, бросить всех. Нет, Маху взять обязательно. Не сейчас, лучше завтра, когда Ника уедет на съемки. Бежать! План сложился в голове мгновенно. Рука нащупала на дне сумочки листовку, которую утром вложил в коробочку с часами синеволосый продавец. А сейчас молчать, будто ничего не случилось. У нее получится, она верила.

– Все расскажу потом, – сдержала она Машкино любопытство. – Вот побываю в прошлом, расскажу.

Тем временем Роберт ощутимо нервничал, что-то тихо втолковывал Брониславу, убеждал, даже пару раз сердито стукнул кулаком по столу со склянками, едва не перевернув тот. Зато едва показалась машина с эмблемой съемочной группы Комиссии, Ноэль преобразился: уверенно расправил плечи, вскинул голову. Не скажешь, что минуту назад вытирал вспотевшие руки платком, в любой миг был готов сорваться на крик.

Дора шагнула вперед, разглядывая черно-белую эмблему на дверце. Из сияющей замочной скважины повисшего на цепях замка выходил человек в старинных одеждах, с тяжелым чемоданом в одной руке и посохом в другой. И наткнулся на шлагбаум. Весьма символичное изображение контроля пилигримов.

Павел Левашов явился раньше назначенного срока, первым выбрался из машины, вручил кожаный портфель молчаливому местному двойнику, по-хозяйски осмотрел металлическое сооружение и презрительно хмыкнул:

– Эта груда металлолома и есть легендарная машина времени? В малобюджетных фантастических сериалах она выглядит и то лучше.

Роберт не отреагировал, протянул ему пол-литровую пластиковую бутылку с мутно-серой жидкостью на донышке.

– Пей без опаски. Розовые барашки на радуге не привидятся. Зато память улучшится, и погружение в прошлое перенесешь легче.

Павел заранее скривился, в один глоток осушил содержимое бутылки, поморщился.

– Жаль, сейчас не шестнадцатый век. Из тебя вышел бы первоклассный придворный отравитель.

– Дора. – У ученого была готова зеленая таблетка для девушки. – Пора.

Он сам проглотил такую же и проводил Павла наверх.

На этот раз девушка не боялась, как и обещал когда-то Ланс. Даже ждала с нетерпением путешествия в чужое прошлое, поэтому без вопросов залезла в бирюзовую кабинку, позволила себя пристегнуть. Последним, кого она увидела, прежде чем металлические прутья с зеркалами сомкнулись за ней, был Бронислав. Ему предстояло отправить ее с Ноэлем в путешествие и вернуть обратно. Ника тоже находилась рядом, что-то втолковывала неведомому собеседнику, поднося браслет к губам, жестикулировала свободной рукой.

В сердце переплетения металлического кружева, в сиянии лимонно-желтой центральной оси, в перекрестье отражений сотен зеркал уже вращалась кабинка Левашова. Дора даже пожалела его. В первый раз ей было очень плохо. А сейчас...

Сейчас, хоть она и знала, чего ожидать, скучный обед все равно запросился наружу, подступая к горлу при каждом повороте. Уши заложило. Ноги-руки словно наводнили пузырьки газировки. Пузырьки плясали, больно ударяли изнутри о кожу и отскакивали. Хотелось растереть голени, попрыгать. Да где тут?!

Неприятные звуки наполнили капсулу и ощущались физически каждой клеточкой тела. Кажется, девушка даже закричала. И вдруг оказалась на пляже.

Она никогда не видела моря воочию. А тут оно дышало, ластилось к берегу, серебристо светило подошедшим на мелководье планктоном. Ночь мягко парила над водами, нежно обнимала далекие корабли, очертания которых угадывались по разноцветным огонькам. Оттуда долетала еле уловимая музыка – ритмичная, веселая. А на большом, островерхом камне чистила перья чайка, изредка щелкая клювом и поглядывая по сторонам – не угрожают ли ей суетливые люди?

Город тоже был рядом. Крутилось колесо обозрения, играя огнями. Призывно горели вывески ресторанов и кафе. Убегали на холмы шахматные клетки окон спальных районов. В том, что именно на холмы, а не на взгорья, девушка была уверена.

Роберт обнаружился неподалеку. Он тоже сидел на камне, погрузив ноги в прибой, смотрел в щедро обсыпанное звездами безлунное небо.

– Это точно иная вселенная, – поделился он наблюдением. – Я не узнаю ни одного созвездия.

– Где «лис»? То есть Левашов? – исправила девушка. Ей не хотелось покидать пляж, но она понимала – все вокруг нереально, обманчиво. Нужно будет упросить Нику свозить ее к настоящему морю. Не сейчас, конечно, на следующий год.

– «Лис»? – Ноэль спрыгнул в пену прибоя и подошел к Доре, держа туфли в руке. – В Москве его звали койотом, «лис» тоже сойдет. Ждем твоего «лиса». Должен появи... Опа, туточки!

Павел Левашов материализовался посреди пляжа и двинулся к городу, оставляя на песке цепочку глубоких следов.

– Не спи! – Роберт поманил девушку за собой.

Песок был мокрым, вязким. Идти оказалось трудно. Дорофея отметила, что окружающие их образы на удивление реалистичны, не то что в памяти кристалла, когда она чуть не провалилась сквозь мостовую. Казалось, поранишься здесь и перенесешь ранку в реальный мир.

– Роберт, мы в каком времени? – как могла уточнила девушка.

– События перед его попаданием на Землю-56, полагаю. В нашем распоряжении вся память героя, но зачем?

– Забавно.

Звуки и запахи большого города пришли неожиданно, обволакивая, заставляя собраться. Левашов уже дошел до стоянки, сел в бордовое удлиненное авто-кабриолет, в котором его ожидал немолодой широкоплечий мужчина с зачесанными назад редкими волосами.

– Как мне надоели твои суеверия и ритуалы, Пьябилю-о, – сильно растягивая гласные, проворчал он. – Представление через час, а ты?

– Брось, Орэф, сам говорил: море позволяет сосредоточиться.

– Как он его назвал? – запуталась Дора. – Пабло?

– Ты же слышала, – удивился Роберт. – Думала, наш друг испанец? Ни разу. Мигрантам подбирают наиболее близкие по земному звучанию имена. Вот и его Павлом окрестили. Не забивай голову, зови на наш манер.

Дорофея поразмыслила и кивнула. Действительно, так проще, чем запоминать напевные звонкие сочетания букв чуждых наречий. Ей захотелось спросить не только о Павле. Отчего-то имя Орэф было ей знакомо.

Павел нажал на газ, и авто понеслось по дороге, вливаясь в огненную реку машин. А на заднем сиденье с комфортом устроились Дорофея и Роберт.

Они въехали на высокий мост над четко расчерченной огнями дорогой, свернули на протянутую в воздухе объездную линию и помчались вдоль моря. Нет, не помчались – полетели, ибо то, что Дора поначалу приняла за дорогу, оказалось лентой-указателем из лазерных лучей. Через минуту над головой, сигналив серебристо-белыми фарами, пронесся патрульный катер – вытянутый, точно пуля, с веером длинного хвоста.

Павел выругался и свернул к возвышающемуся сбоку металлическому столбу. Возле него парила платформа на массивных цепях, достаточно большая, чтобы установить в ряд три подобных авто. Машина Павла мягко села на нее, а патрульный катер завис сверху, спустил вниз трубку с переговорным экраном.

Молодая женщина в белой форме попросила документы. «Лис» проворчал что-то про «не тех ловите» и продемонстрировал пластиковый жетон, висящий на шейном шнурке.

Пискнул сканер, считывая данные. Женщина на экране улыбнулась.

– Господин, вы превысили скорость. Уведомление и счет на оплату штрафа направлены в ваш управляющий банк. Соблюдайте закон и, – улыбка патрульной стала шире, – удачного выступления. К сожалению, мне билета не досталось.

Павел достал из воздуха светящуюся палочку и положил в контейнер под экраном.

– Только для вас. Как раз рядом с моим импресарио.

Орэф закатил глаза к небу, страдальчески вздохнул.

Экран погас, втянулся в катер. Авто продолжило путь по ночному городу.

– Роберт, – пристала Дора к ученому. – Мы же в его памяти. Если с ним заговорим...

– Мы привидения – невидимые, неслышимые, неосязаемые, – пожал плечами Ноэль. – Не думаю, что он на нас обратит внимание. И пробовать не хочу. Я впервые провожу опыт с живым человеком, не желаю рисковать.

Они понеслись дальше по лазерной дорожке, изредка подныривая под высокие мосты, перелетая через дома. Те оказались на удивление низкими. Этажей десять – двенадцать. Ни одного небоскреба Дорофея не разглядела. А концертный зал, где проходило выступление, и вовсе имел четыре этажа.

Людской шум, заполняющий огромное помещение, приготовления за кулисами. Для девушки все было в новинку, она с интересом прислушивалась к разговорам, брюзжанию Орэфа. А потом было представление, захватившее Дорофею...

Исчезновения при помощи зеркал, полеты над сценой, разрезание самого себя и хороших партнерш на части и многое иное заставляли сердце Дорофеи учащенно колотиться.

Роберт сильно нервничал. Девушку он не стеснялся, потому не считал нужным притворяться всезнающим, загадочным сфинксом. Только скомандовал Доре:

– Будь внимательной ко всему. Не факт, что мы разберемся с первого раза. Я читал его показания о миграции, представляю, чего ждать. Ты еще нет. Это твой плюс.

Она согласилась. Непредвзятый наблюдатель всегда лучше заинтересованного. Так что она гладела на людей в зале. Но чаще отдавала дань таланту артиста.

Павел недаром слыл настоящим чародеем. За кулисами шептались – за полдня смели все билеты. Волшебник, всемогущий маг, он заклинал огонь и воду, превращался в кентавра и резво скакал по сцене, оборачивался медведем, а то и вовсе фантастическим созданием, взлетал под купол без каких-либо видимых технических приспособлений. Его команда помогала устроить первоклассное шоу с эффектами, труднодостижимыми даже в макросети.

Но Доре были видны бисеринки пота, проступавшие на лице фокусника. Их Павел украдкой стирал платком, укрывшись за декорациями.

Заиграл оркестр, включилась золотисто-зеленая подсветка сцены, из-за кулис появлялись красивые ассистентки с птичьими крыльями за спиной. Одна за другой они взлетали под купол, за ними воспарил сам фокусник.

И вдруг в пятом ряду поднялась девушка – та самая патрульная.

– За свободу! – крикнула она и швырнула что-то в первый ряд.

Что? Дорофее показалось – гранату. «Какая глупость! – промелькнуло в голове. – Сама погибнет, ничего не добьется! Будто это метод».

Одновременно с этим Павел закричал:

– Прочь!

Вывался из объятий птицедов и полетел навстречу гранате. Не успел.

Вспышка. Паника.

Дорофея не поняла, что случилось, но один за другим люди в эпицентре взрыва таяли, растворялись, как недавно на ее глазах исчез художник Белозеров. Иллюзионист лежал в проходе между кресел. Выжившие при взрыве толпились у выходов, кричали, ссорились, торопясь покинуть опасное помещение. А в воздухе застыли перья, сорванные с костюмов птицедов, чей-то браслет, над полом повисла сумочка... От неудачливого импресарио остался лишь обрывок шейного шнура-галстука да очки в золоченой оправе. У самой сцены молодой парень рыдал навзрыд, глядя, как его ноги становятся прозрачными.

Потрясенная Дора подбежала к Павлу и поняла – тот тоже не жилец. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

– Не хочу умирать! Не хочу. Не хочу! – шевелились губы, пока фокусник рассеивался в воздухе, точно предутренный туман.

– Не соврал. Правдиво рассказал. – К девушке подошел Роберт, положил ей руку на плечо. – Девица метила в первый ряд, в градоправителей. Павел говорил, у них в мире назревала революция.

Дорофея кивнула скорее машинально, чем из любопытства. Ей было страшно до холода в желудке, до дрожи в руках. Зачем так поступать с людьми? Со своим миром? Наверняка место взрыва надолго станет непригодным для жизни.

– Ты разобрался, как действует бомба? – спросила она у Роберта.

– Нет. Нам нужно вновь пролистать последние минуты. – Он оглядел застывших людей. – Мы должны захотеть это сделать. Вместе.

Доре было неприятно вновь переживать трагедию. Но ради дела...

– К началу птичьих полетов, – скомандовал Роберт, беря ее за руки. – В прошлом все управляется силой нашей мысли. Дай руку, покроемся на месте.

Дора послушно сделала два шага и, споткнувшись об оброненный зонтик, чуть не завалилась на ученого.

– Хорошо, давай по отдельности. – Ноэль выпустил ее ладони.

Девушка послушно вспомнила нужный миг представления, прикрыла глаза... А когда открыла, оказалась на берегу моря. Одна. Чайка на камне задумчиво чистила перья...

Барск

Соловьев работал за ноутбуком, спрятавшись под полосатым сине-оранжевым солнечным зонтом. Солнце почти сползло с небосклона, дотянулось до кружащих над аэродромом легких самолетиков, но Броня не планировал выбираться из своего уютного укрытия.

Ника обучала Машу чувствовать, тихонько указывала девушке на очередную жертву из научной братии и просила прочесть его эмоции. Семен Левашов, местный зеркальный двойник Павла, присел на складной табурет и вырезал из деревяшки щенка.

Они все даже не сразу поняли, что запищал тревожный датчик, ведь совсем рядом по глади озера наперегонки носились катера, гремя моторами и оставляя за собой длинные пенные следы.

– Медицинская тревога! – очнулся Броня. – Павлу плохо. Пульс сбился, возможен приступ.

Он испуганно повернулся к Нике как единственному гаранту спокойствия. Та встрепенулась, сделала знак замолчать наперебой загалдевшим ученым, склонила голову, прислушалась к своим чувствам.

– Ничего, – призналась она, поправляя растрепанные ветром рыжие кудрявые волосы. – Непроницаемо для меня. Остановить их можешь? – обернулась она к Броне.

Тот отрицательно замотал головой.

Вероника в два шага оказалась возле машины времени, вцепилась в холодные прутья и немедленно отдернула руки.

– Внутри ее пустота, – прошептала она, запоздало признавая бессилие перед чудо-механизмом. – Ни-че-го! Даже аномалия что-то излучает, а тут идеальный вакуум!

Паники еще не было, но где-то на краешке сознания вспыхнули сигнальные огни тревоги, по спине пробежались мурашки. «Не сдаваться. Любая проблема имеет несколько решений», – мысленно напоминала себе Вероника, взглядом пытаясь найти поддержку окружающих. И не находила.

– Гений, понимаешь ли, – пробурчал Броня, ковыряя ботинком песок. – Он не дал никаких разъяснений про экстренную остановку машины. Сказал: единственный стоп-кран – это он, его желание и воля.

– А если он погибает, мой брат? – встревожился Семен Левашов, всматриваясь в переплетение металлических прутьев. – Вы позволите ему умереть?

– Мы бессильны, – развела руками Ника, пытаясь сохранить самообладание. – Сунемся вслепую – навредим всем.

Она приблизилась к металлической каракатице, снова ухватила руками за прутья. Вот и предел ее могуществу. Проклятый Роберт, как он ее обхитрил, как придумал штуковину, непостижимую для сенса? Как теперь спасти самонадеянного гения? Как всех спасти?

Память Павла

Песок был холодным, вода ледяной. К моменту, когда появился Павел, девушка истоптала половину пляжа, не ведая, что делать. Роберт наверняка попал куда следует, это ее, недотепу, занесло к отправной точке путешествия.

Вместе с Павлом она доехала до концертного зала, пересмотрела представление. Ноэля не было в помине. И тогда ее охватила паника.

По макросети ходили байки про умерших во время погружения в виртуал. Будто их неотключенные профили, рукотворные уголки электронного мира и даже программные коды хранят отпечаток личности человеческого сознания. И бродят по сети призраки без обратного адреса. Байки Дорофею всегда забавляли. Теперь она была готова поверить в это безоговорочно.

Она стояла посреди замершего зала, замурованная в чужую память, в последней картинке, которую запомнил Павел перед миграцией. Если бы она могла заплакать, разревелась бы. Она пожелала оказаться там, где Роберт. И выпала в миг знакомства Левашова с Ноэлем. Не то! Не то!

Не достучаться до чужого сознания, не сбежать обратно. Тут-то ей и вспомнилась мрачная обреченность Роберта идти до конца, отдать все ради решения научной загадки. Получается, она стала жертвой его любознательности?

Следующей остановкой было детство Павла. Он, коротко стриженный, нескладный мальчишка с прыщавой физиономией, перед зеркалом отрабатывал фокусы с кубиками, то и дело заглядывая в книгу – верно ли? Получалось, мягко говоря, не очень. Павел психовал, швырял кубики об стену, обитую потертой, выцветшей тканью. Садился на пол, бессильно заламывая руки, готовый расплакаться, но неизменно поднимался, собирал реквизит и повторял вновь и вновь, улыбался через силу. И решимость на его лице придала Дорофее уверенности.

Странно, именно чужая молчаливая истерика и победа над собой помогли Доре собраться и возвратиться в концертный зал. Великий иллюзионист под присмотром чайно-карих глаз Роберта изображал птицу. Сам ученый стоял за спиной девушки-террористки, положив той руки на плечи, слегка раскачивался из стороны в сторону, устремив взгляд в одну точку.

Дорофея так обрадовалась Ноэлю, что помчалась к нему в зал и только на полпути обратила внимание, что проходит сквозь людей, а руки Роберта лежат чуть ниже границ плеч, как бы внутри...

– Они для Павла просто толпа, источник обожания, энергии, силы, вдохновения, – прочтя по ее лицу все эмоции, решил успокоить помощницу Роберт. – Он не задумывался о них как о людях, не прикасался, чтобы считать реалистичными.

Дора кивнула. Ее не удивило, что ученый не заметил отсутствия напарницы.

– Если не получится сейчас, запоминай момент, вернемся сюда.

Она согласилась легко. Главное поскорее выбраться в реал.

Что-то шло не так. Все пространство вокруг казалось зыбким, словно она заблудилась во сне – чужом, незнакомом, какие снятся в нездоровье, в непогоду и после больших ссор и стрессов, когда страхи, невысказанные слова, демоны гнева и собственного бессилия собираются воедино, плетут рваную паутину предутренней грезы, стучатся в затылок болью при пробуждении.

Вот вспыхнул свет под потолком, полетели девушки-птицы в обнимку с Павлом. Белокурая девушка, на вид года на три старше Доры, достала из сумочки гранату, задумчиво подержала на ладони, засмотрелась на то, как серый с белыми стеклянными вкраплениями корпус

наливался желтоватым светом. Сидевший справа импресарио переменился в лице, протянул руку к опасной вещи. Не успел.

Картинка замерла, застыла трехмерной фотографией.

Роберт на миг склонился над зажатой в девичьем кулачке смертью, и Дора увидела, как смягчаются черты лица ученого, тает напряжение. Ей показалось, он сейчас запоет или затанцует. Он понял! Разгадал еще одну загадку. Приблизился к пониманию мироздания на микроскопический шаг.

Внезапно пол под ногами качнулся. Скорее по наитию, чем осмысленно Дорофея вцепилась в руку Ноэля. И потому их обоих выбросило во тьму: вязкую, плотную.

В ней вспыхивали и гасли крошечные солнца, вокруг которых вращались планеты. Девушка и ученый зависли в этой живой пульсирующей черноте, точно в толще океанских вод. Чьи-то силуэты, похожие на гигантских русалок, проплывали рядом, дышали влажно и шумно: «П-ф-ф-ф. П-ф-ф-фсь». От их дыхания Роберт с Дорой покачивались на волнах тьмы, неспособные двигаться самостоятельно.

Мысли, переживания, заботы немедленно оказались смехотворно ничтожны. Хотелось смотреть на движение светил, слушать звуки местных обитателей, влиться в их нестройный хор.

Если прислушаться, начнешь различать голоса, шорохи, отдельные слова на неведомых языках. И перед внутренним взором встанут видения неизмеримо далеких земель, всевозможные чудеса, распахнутся все тайны Вселенной.

Нечто похожее очертаниями на игрушку муми-тролля, которая была у Дориного одноклассника Борьки, большое и более темное, чем окружающая тьма, парило в их сторону, распугивало русалок.

Дорофея с трудом обернулась к Роберту, но ей не хватило сил произнести хотя бы слово. Тень надвигалась быстро, заслонив собой солнечные вспышки, и вдруг сама взорвалась мирадами звезд.

Некто схватил Роберта с Дорой за шкуру и выдернул из тьмы. Одна из звезд вдруг оказалась близко-близко, обожгла своим жаром, затянула в поле гравитации, закрутила по орбите.

А потом двое путешественников по чужой памяти очутились в палате со стенами бледно-апельсинового цвета. Там на кровати лежал мальчик – Семен Левашов. Дора поняла это, едва взглянула на него. Лежал и листал книгу стихов, грыз яблоко.

Запищали приборы, тело на кровати дернулось, закрыло и открыло глаза, удивленно взглянуло на новый мир.

– Дорофея. – Роберт потянул девушку за руку. – Срочно пора уходить. Давай за мной.

Они прошли сквозь стену в коридор. Ничего не изменилось. Они были пленниками сознания Левашова.

– Обратно! – Роберт не терял оптимизма. Разгадка устройства гранаты грела его душу.

В палате уже суетились люди.

– Я звоню в центр клонирования! – злилась тем временем молоденькая докторша.

– Куда вы смотрели? Теперь вызывайте разделительную бригаду! – рычал долговязый мужчина в небрежно накинутом на плечи халате.

– Как куда, сигнал от сенса поступил три часа назад! Сему оперативно привезли на взятие проб. Что скажем его родителям? – охала толстая женщина, ее выбеленные волосы были собраны в пучок на затылке.

– Правду. – Долговязый коснулся такого же, как у Ники, браслета. – В их сыне угнезвился чужак! Как же все неожиданно быстро!

А Павел с интересом смотрел на них, разглядывал комнату, еще не веря, что выбрался живым.

– Попробуем сюда. – Роберт подмигнул Дорофее, потянул ее сквозь приборы. И...

Барск. Ника

Она не знала, что делать, куда бежать. Роберт и девочка там. Левашов с сердечным приступом и неизвестно какой еще хворью – тоже. А она бессильна. Абсолютно.

Маша в панике. У Семена почти истерика. Бронислав внешне держался, но перетрусил – мама не горюй. Кошечка пять раз звонил, и она, Вероника, ему бессовестно лгала, сообщала, что все под контролем, что эксперимент близок к завершению. А там внутри металлической штуковины, которую и пилить-то будут сутки, чтобы до центра добраться, застряли двое близких ей людей!

– Безумец! Самоуверенный идиот, – ругалась она, вновь и вновь пытаясь прощупать железное кружево. – Вылезет – прибуду! Небошь для этого металлолома консервные банки по всей столице собирал!

Бушевала она долго, злясь на собственное бессилие, на людей, убравшихся к машинам подальше от ее гнева. Один Броня как ни в чем не бывало восседал под зонтом и потягивал остывший чай. Сделать он тоже ничего не мог, зато бывшую супругу знал достаточно хорошо, чтоб не метаться в поисках бомбоубежища.

Ника почти дошла до той стадии, когда становилась опасной для себя и других, как замигали огни на браслете. Ильина замерла, зло фыркнула, встряхнула запястьем и поднесла пылающую огнями звезду к губам.

– Что? – Тон был вовсе не дружелюбным. При звуке голоса из гарнитуры пришлось успокоиться.

– Да, Илья Петрович, ясно. Эксперимент продолжается. Какие беспорядки? Еще и забастовки? Конечно, мы с Левашовым делаем все, что можем. Фильм почти готов. Сегодня после эксперимента доложим. Хорошо, всего доброго.

Голос Вероники лился сахарным сиропом – густым, золотистым, блестящим на свету, приторно-сладким на языке. Едва связь прервалась, Ника зло топнула ногой:

– Проклятье! Бронька, что на приборах?

– По-прежнему, – флегматично ответил Соловьев. – А нет, стой. Мне кажется, вращение капсул замедляется.

Звякнули металлические прутья, поползли в стороны, складываясь, сворачиваясь, открывая путь бирюзовым кабинкам. Наверно, Машка почувствовала своего клона быстрее Ники, побежала встречать.

Дорофея вышла, покачиваясь, позволила Брониславу подхватить себя на руки. Уже в микроавтобусе, пока вытаскивали Роберта с Павлом, пока возле Левашова суетились медики, Дора поделилась впечатлениями с Машей:

– Я видела то место, через которое сама перенеслась из мира в мир. Кажется, я его вспомнила теперь.

Во всех подробностях она поведала о своих путешествиях, таких реальных и удивительных, намного более захватывающих, чем макросетевые игры.

Роберт больше молчал, отмахнулся от Брони, в несколько глотков осушил термос с чаем и ушел в машину «думать о главном».

Ника с чистой совестью перепоручила переглядывающихся девушек Розе, выудила из цепких врачебных рук полуживого Павла и, угрожая военным трибуналом, сама потащила доснимать и монтировать фильм.

Ее злила отрешенная задумчивость Ноэля, злил флегматичный Броня. От общения с Робертом он стал спокойней и сосредоточенней. Таким, каким обычно был во время напряженной работы, ведущей к очередному изобретению. В подобные моменты интриги и раздоры с коллегами, попытки самоутвердиться за счет других отходили на второй план, а то и вовсе

переставали интересовать профессора Соловьева. Ника знала: затишье никогда не длилось долго и после него следовало ждать грозы. Мишенью по старой привычке чаще всего становилась она, Вероника. А ей сейчас не до того.

Ей предстояло четыре с половиной часа работы, ссор и споров с командой Левашова, просмотра материалов в прокуренной аппаратной в здании телецентра Барска, литры дрянного кофе из кофе-машины, остывшая пицца, которую привез сэконобивший на доставке Семен... И требовалось море терпения, чтобы не плюнуть на все и не уйти домой до завершения работы.

И вот когда заветный миг наступил, техники разошлись, помощники паковали оборудование, Ника взяла со стула сумочку... Именно тогда ожила звезда на браслете. Что за напасть! Таскаешь ее на себе, в любое время могут дернуть, поднять на ноги. Хуже мобильного. Тот хоть отключить можно. А тут не имеешь права. Долг, чтоб его.

– Вероника! – Голос Ильи Петровича дрожал от волнения и негодования. – Ваш институт переводят на военный режим. Отряд-подкрепление прибудет утром. Похоже, мы опоздали. Началась охота на клонов. Тот немецкий провокатор, выложивший в сеть информацию, поднял такую волну, что Всемирный потоп по сравнению с ней – буря в тазике воды! Активисты – борцы с пилигримами – вычисляют липовых близнецов и хватают, применяя силу. Только в Москве пропали четверо сотрудников. В Штатах некая религиозная группировка объявила пилигримов посланцами Сатаны, семерых уже застрелили. Кто-то из высших чинов сливает информацию!

– Что мне делать? – Ника привалилась спиной к книжному шкафу. Твердый переплет толстого фолианта впился острым краем между лопаток.

– Вероника, Левашову нужен друг и советчик, – продолжал генерал. – Барск охраняется лучше алмазного фонда страны, а нашему режиссеру требуется надежный сенс и консультант. Отправляйся с ним завтра. Заодно последуешь за нашими центрами клонирования. Это не просьба.

– Поняла, уже пакую вещи. – Она прервала связь и обернулась к Павлу. – Утром вылетаем вдвоем, – без объяснений сообщила она.

В кои-то веки она рассчитывала выспаться после нервного дня, но по возвращении в квартиру обнаружила там целый штаб. В гостиной на диване одиночно развалился Роберт. Он закинул ноги на подлокотник, заложив руки за голову. На журнальном столике примостились защитного цвета поношенный рюкзак и потертый блокнот.

Председатель занял кресло, листал рекламный журнал, рассеянно вчитывался в характеристики новых телевизоров и холодильников. Маша с Дорой, настороженные и внимательные, расположились на пушистом ковре под пальмами в кадках. При ее появлении спрятали планшет в сумку. Ника слишком устала, чтобы обращать внимание на девчоночью возню. Броня притащил из соседней комнаты стул и теперь сидел, вытянув длинные ноги.

– Как это понимать?

Хозяйке квартиры очень не понравилась собравшаяся компания. Ясно, что быстро они не разойдутся, а у Ильиной до сих пор колени дрожали от пережитого. Интересно, сколько седых волос ей стоило беспокойное лето?

Она уперлась кулаками в бока, приняла грозный вид. Но попытки не достигли цели.

– Никки, тебе не интересно, что я вытащил из черепашки нашего любезного чародейчика? – ехидным тоном поинтересовался наглец на диване.

– Неужели там что-то было? – подал голос Соловьев.

Ника уловила неприязнь бывшего к столичному гостю, презрение и даже жалость.

«Ага, оттаивает, кусаться снова начинает». Мысленно усмехнувшись, Ника подошла к Роберту:

– Брысь!

Ученый нехотя перебрался на краешек дивана, а Вероника поморщилась, обнаружив на сиденье скомканный Машин свитер и пару конфетных фантиков. Когда же мухоловка начнет заботиться о себе?

– Слушаю твое чистосердечное признание, – потребовала она отчета. – Быстро, у тебя десять минут. И проваливайте, не то полицию вызову за несанкционированное вторжение на частную территорию.

Сенс прикрыла рот ладонью и зевнула. Спать хотелось невероятно.

– Черт побери, а я лекцию на два часа готовил! – Роберт проигнорировал ее раздражение, как всегда упражнялся, поддразнивая окружающих.

Никю охватило возмущение. Этот самоуверенный идиот едва не угробил себя и еще двоих. А он сияет, как все осветительные приборы съемочной команды Левашова. От них у Ники до сих пор болели глаза. Поначалу она взорвала пару ламп (чего не случалось с ней уже года полтора), но потом взяла себя в руки.

– Кажется, я понял, как устроена граната, отправившая Левашова к нам погостить. Как только рассчитаю минимальную мощность заряда, испытаю на хомячках.

– А помимо разрушительной деятельности есть иные новости? – Кошей вцепился в кожаный подлокотник. – Что такое аномалия?

– А вот тут, уважаемый несказочный герой, – щелкнул в ответ пальцами Роберт, наслаждаясь молчаливым гневом Председателя, – у нас начинается самое интересное. Грузить ваши бедные мозги глубоко научной терминологией вроде торсионных полей, гравитационной теорией имени меня не буду. Приведу рабоче-крестьянский пример. Обратите внимание, господа, на сие произведение современного искусства!

Двумя пальцами он подхватил скрученный и завязанный морским узлом Машкин свитер. Девушка покраснела, подскочила с ковра, попыталась отобрать.

– Гав! Не дам! – предупредил Ноэль, забираясь на диванный подлокотник и словно зная поднимая свитер высоко над головой. – Не порть выставочный экспонат. Итак, подобная путаница случилась с нашей реальностью. В отдельных участках происходит пространственное искривление, но не такое, о котором сегодня на полянке вещали Зайцев и Розенберг. – Свитер шлепнулся на пол за спинку дивана. – И не то, которое теоретически способно отправить нас к далеким галактикам. Меняется свойство массы, рассинхронизируются временные потоки, некая пока неизвестная мне сила разлагает живые тела на атомы.

– Город! – вдруг заявил Броня, про которого все уже благополучно забыли.

– Ты к чему, болезный? – не понял Роберт.

– Развалины в четырех километрах отсюда, которые переместила Императорская Пятерка. Сам говорил, органику они не сумели перетащить из мира в мир.

– Ты не безнадежен! – просиял Ноэль, усаживаясь обратно на диван. – Была бы шляпа, снял перед тобой, друг. Возможно, аномалии действительно – побочный эффект отключения метеоритов. – Он театрально развел руками. – Такая сказочка невеселая. Я поколдую над бомбой, подумаю, что можно сделать.

– Чтобы заработать еще одну болячку на наши головы? – разозлился Председатель.

– Попробуйте сами. Знаете же, в мире я единственный способен всех спасти, – самоуверенно заявил Роберт. – Мне это сам Президент сказал, снова требует к себе с докладом, дал уйму людей в помощь. Представляете, какой я теперь важный? – усмехнулся он, как показалось Нике, не слишком весело.

– Все! – Ей надоел творящийся здесь балаган. – Прочь из моей квартиры. Выясняйте отношения на улице.

– Да, дорогая. – Роберт отвесил поклон. – Только после вас, господин Председатель.

Она дождалась, пока трое мужчин сядут в лифт, и обернулась, встретившись взглядом с Дорой.

– Он просил тебе передать. – Та протянула наставнице коробочку. – И никогда не снимать.

Кто «он» – и так ясно. Мучил до последнего, дразнил и забавлялся. В оранжевой бархатной коробочке лежал серебряный кулон. В середине полый серебряной капли, украшенной тонким кельтским узором, повторял ее очертания синий кристалл лондон-топаза.

– Разбойник и задавака, хоть и взрослый дядька, – невольно улыбнулась Ильина.

– Он завтра в полдень уезжает в столицу проводить испытания и делать... это... как ее... – Девушка взглянула на написанное на ладони слово. – Аэрофотосъемку местности.

– А я уезжаю с Левашовым утром. Роза придет в девять.

Она не обратила внимания, как девушки переглянулись, как Дора снова вытянула из сумочки планшет, а Машка кивнула в ответ и опасливо поглядела на наставницу. А зря Ника не заметила.

8 августа. Барск и окрестности. Дорофея

Они ждали отъезда наставницы, опасаясь думать о том, на что решились вчера. Решились после Дориного путешествия в машине времени и после письма, которое взволновало и напугало обеих. Дорофея тогда взяла свою копию за руку и передала всю гамму эмоций и чувств, которые испытала там, путешествуя в памяти Павла. Она не ожидала, что Машка поймет, но та догадливо закивала. Права Дора, пора взрослеть. Маша твердо решила больше не устраивать истерик, слишком стыдно бывает потом.

Едва Ника спустилась вниз на лифте и села в служебный автомобиль, девчонки бросились собирать вещи. До прихода Розы оставалось полчаса.

Они могли рассчитывать на Машины карманные деньги и игровой опыт Дорофеи.

– Как ты планируешь выбираться из города?

– На мотоцикле, – бросила через плечо Дора, запихивая в сумочку смену одежды. – Машину нам не дадут, возрастом не вышли. В аэропорт путь закрыт, там военные. На велосипеде... – Она задумалась. – Оставим как крайний вариант. Нам до трассы добраться, а там рейсовый автобус тормознем. Я расписание с Сети скачала, – похвасталась Дора.

– А ты точно с мотоциклом справишься? – продолжала сомневаться Маша.

– В играх гонки на них выигрывала, – как можно более безразличным тоном отозвалась клон. – Тут то же самое. Я даже ролики в Сети смотрела.

– Боюсь! – призналась Машка. – Разобьемся. Давай еще подумаем?

Не авантюристка Машка! Но за вчерашнюю истерику Дора с ней рассчиталась. С самого утра настроение у Доры было абсолютно хулиганским. Наверно, она сама бы села за руль, выдайся такая возможность, чтобы доказать себе и двойнику – она может.

– Не трусь. – Дора порылась в сумочке и вытащила мятую листовку с изображением парня на «харлее». – Когда я часы в магазине покупала, – она указала на массивные куранты на запястье, – мне продавец дал объявление про сентябрьские соревнования байкеров. Я ему ночью написала, изложила проблему. Он обещал помочь. Только запомни – нам восемнадцать, иначе не возьмут! Довезут до автобуса с эскортом. На банду чумазных байкеров никакие военные внимания не обратят.

– Ну ты даешь! – Машка вызвала лифт.

Дорофея вела их по городу, сверяясь с картой на планшете, если путалась, то спрашивала помощи у прохожих. Ни единого сомнения в верности принятого решения не было. Что странно, местная копия не ныла, едва увидев письмо, первая поинтересовалась: «А много вещей брать с собой?»

– Не бойся, уверена, эти не обманут, – утешала двойника Дора. – Во всяком случае, Гоша, который продал мне часы. Увидишь, он забавный.

Девушкам пришлось проехать на автобусе и выйти на окраине дальнего района Барска у стадиона. Позади солнечно сияли купола церквушки, а впереди за пятиэтажками выросли недостроенные небоскребы. Блестели на солнце стрелы и кабины башенных кранов, волочилась по воздуху крупная шлепалка, поднимая на недосягаемую кранами высоту тяжелые бетонные плиты.

Сердобольная старушка, встреченная беглянками на остановке, посоветовала пройти открытый стадион насквозь, чтобы не петлять по запутанным кварталам старого города.

– Дорка, может, возьмем велосипеды? – слабо протестовала Маша.

– Поздно, подруга.

Доре было интересно. Она вертела головой, тщетно пытаясь найти в своей памяти аналогии с макросетевой реальностью. Длинные ряды скамеек открытого стадиона синели свежей краской. По арене гоняли велосипедисты, добросовестно наматывала круги парочка пенсио-

неров в смешных спортивных костюмах, а крикливые мальчишки пинали по полю мяч. Молоденькая мамаша выгуливала одновременно и ребенка в розовой коляске, и внушительного сенбернара, рвавшегося с поводка.

Вскоре девушки оказались на пустыре. Жилые дома отступали от стен стадиона на приличное расстояние. Вероятно, строители когда-то планировали тут разбить парк, но передумали, и теперь на пустыре росла трава, по которой были протоптаны тропы, да несколько чахлых рябинок с уже порозовевшими ягодами.

Дорофея легко узнала место по фото, которое вчера ей выслал Гоша. Сам парень сгорбился над планшетом на скамье. Внешний вид продавца изменился. Синяя джинсовая жилетка поверх белой рубашки, джинсы, черная бандана на синих волосах – все детали одежды придавали ему строгий, даже серьезный вид.

Завидев девушек, Гоша встал, запихнул планшет во внутренний карман жилета.

– Вижу, носишь покупку, – кивнул он Доре. – От вредных родителей сбегаете или набедоурили? – поинтересовался он как бы невзначай.

Маша насторожилась, готовая в любой момент дать отпор. Ника с ней занималась гораздо дольше, и Дорофея испугалась – наделает глупостей от избытка собственной силы. Но девушка только поинтересовалась:

– Ты из полиции, чтобы допрашивать?

– Нет, просто размышляю, во что мы вляпаемся, если вам поможем?

– Только до трассы подкинь, – вместо ответа напомнила Дора. – Мы вчера договорились.

«Пожалуйста, не подведи», – напряглась мигрантка. Барск словно выталкивал ее из себя дурными предчувствиями, темными тенями невысказанного, для чего в языке не придумано слов, но что она могла бы показать в макросети при помощи простых инсталляций. Стоп, про макросеть не думать!

Гошка что-то сказал, но ответ поглотило фырчанье выехавших на пустырь четырех мотоциклов.

Первым остановился огненно-красный с черной лентой, привязанной к рулю. Водителем оказалась девушка – на вид вряд ли сильно старше Маши.

Они все были молоды. Яркое солнце блестело на деталях, серебристых украшениях, озаряло улыбочивые лица. Дора даже на миг поразились их дружной сплоченности, свободе, решимости читавшихся в каждом жесте – всему тому, что ее влекло в играх.

– У вас побег или?.. Куда в конце концов желаете попасть? – повторила Гошин вопрос девчонка с короткими светлыми волосами. – Кстати, я Лена, это Кирилл по прозвищу Боцман, Леша Вихрь и Андрей Соколиный Нос, – представила она спутников. – Куда?

– В Москву, – сдалась Дора.

Должно быть, здорово путешествовать с ними. Вон все мотоциклы разрисованы, одежды яркие, сами байкеры точно светятся изнутри...

– У нее там парень в больницу попал. Нас к нему не пускают, – неожиданно выпалила Машка.

Вот предательница! Но ребят такая версия устроила. А то действительно решат, будто они малолетние преступницы.

– Ясен пень! – обрадовалась Ленка. – Грех не помочь влюбленным. Твой парень хоть не серьезно болен?

– Жить будет. – Дора незаметно показала ухмыляющейся Маше кулак.

– Доведем девочек? – спросил Лешка.

Дорофея изучила его короткую стрижку, татуировку в виде хищной птицы – орла или кондора на тощей длинной шее. С черной футболки скалился престарелый волосатый дядька с электрогитарой и микрофоном, ниже белел логотип музыкальной группы. Перепле-

тенные латинские буквы мигрантка так и не сумела прочитать. На мотоцикле, кстати, тоже парила птица.

Гоша кивнул. И вдруг Дора ощутила, как он считывает ее эмоции. Считывает неумело, грубо ломая простенький щит от любопытной Машки.

В городе все сенсы и природные психологи были на счету. «Вот и попутешествовали!» – обреченно подумала она.

– Сестра вернулась с моря, магазин теперь на ней, – задумчиво произнес синеволосый, разглядывая девушек. – Меня в бетонных джунглях больше ничего не держит. Едем. Заберем моего скакуна из гаража – и на волю.

Мигрантка ошарашенно переглянулась с Машей. И тут зазвонил телефон. Дорофея мысленно застонала: «Роза!»

– Ответь. – Она протянула мобильник двойнику. Врать Машка умела гораздо лучше ее.

– Доброе утро, – заулыбалась в трубку Мария Иванова. – Мы по магазинам ходим, тратим карманные деньги. Знаешь, тут такая кофточка есть... Нет. Хорошо, через час будем. Не-е-ет, выберем мне кофточку и придем, – привычно закапризничала она. – Дорка купила себе планшет, а я что, без пода-арков буду-у-у?

Она прервала вызов и отключила телефон. Подумала и положила его на скамью.

– Все равно он старым был, – пояснила она.

Мигрантка закатила глаза: «Выдаст же, глупая!»

– Хватит игр в шпионов. – Ленка протянула ей шлем. – Довезем до соседнего города. Садись.

Дору взял с собой Леша.

– Жаль, рано еще, – неожиданно заявил Гоша, устраиваясь на мотоцикле позади Андрея. – Настоящим героям положено уходить в закат.

– Брось, философ, – прервала его Ленка и первая рванула с места.

Дора ойкнула и вцепилась в Лешку.

Едва выехали за город, мотоциклы понеслись так, что казалось, будто кислород улетает из-под носа. Дыхание перехватывало, стоило выглянуть из-за тощего Лешкиного плеча. Ветер бил в лицо, в спину жарило солнце.

Они неожиданно легко выбрались из Барска. Никто их не остановил, не окликнул. Военные только выглянули из машины, проводили взглядами команду байкеров и спрятались в тенек.

А мотоциклисты пропылили по грунтовке и вскоре вырулили на асфальт. Их встретили солнце, ветер, запах созревших трав.

Дорофея поначалу залюбовалась проплывающими мимо полями и рощами. Природа вокруг настоящая и абсолютно бесплатно! Но уже минут через двадцать восторг угас, сидеть за спиной мотоциклиста оказалось тяжело. А если задуматься – даже страшно. Никаких ориентиров вокруг, кроме асфальтовой трассы. После небоскребов, магистралей, даже обычных высотных домов среди необъятных глазом полей чувствуешь себя почти голой. И чем дальше, тем сильнее было ощущение. Захотелось надеть на себя бетонные кварталы, прочные мосты, рельсы и шпалы, обернуться проводами, заколоть шпильками вышки сотовой связи...

«Стоп, я в реальном мире, не на Земле-1, не в макросети. Я здесь и сейчас!» – шикнула она на страхи. Помогло совсем чуть-чуть.

По дороге к ним присоединились пятеро молодых людей. Одеты они были пестро, но ни один не соответствовал образу байкеров из сетевых игр. Все молодые, веселые. Две девушки и трое парней – Ира, Таня, Женя, Вадим, Руслан. «Музыканты, – отчего-то решила Дорофея. – Мелодия внутри их звучит, что ли?»

– На рок-фестиваль едем, – пояснил ей при знакомстве Руслан, с неприкрытым любопытством разглядывая мигрантку.

– Наверно, здорово – куда захотели, туда поехали, – предположила Маша.

– Не в моем случае, – наморщила лоб Ленка. Единственная сережка в левом ухе – крупная, в виде пучка стрел, закачалась, зазвенела. – Полгода прокаталась, чуть с университета не вылетела, физику сдать не смогла. Соловьев-разбойник четырнадцать раз пересдачу назначал.

Дора улыбнулась. Уж не про Бронислава ли она? Тактичная Машка как всегда не устояла.

– Ты так Броню зовешь?

– Знаешь его? – нахмурилась Ленка. – Не сдашь?

– Зачем? – Маша наивно захлопала глазами.

– Я из-за него еле-еле первый курс закрыла, на заочное перевелась, – пожаловалась Лена. – Теперь крановщицей у отца на стройке работаю. Неделю отпуска взяла.

Следующие полчаса пути Дора переживала, что не удалось договориться с Робертом. Он где-то в окрестностях столицы трудится, путешествовать под его защитой вышло бы надежней.

Вчера вечером профессор не был настроен на беседу, рассеянно выслушал просьбу взять девчонок с собой, посмеялся – и все. Мигрантке даже казалось, что вокруг его растрепанной головы, точно вокруг светила, вращались планеты мыслей, проносились кометы идей, требующих срочной проверки.

Но ведь две девчонки вполне могут добраться до столицы, верно? Доехать до другого города очень просто, если верить картам Яндексa.

Дора прислушалась. Лешка был спокоен, расслаблен. Ему нравилась дорога, скорость, нравилась соседка за спиной, крепко обнимающая его за талию, нравилось, что рядом едут друзья. От других тоже не веяло угрозой. Но Машка один за другим слала клону сигналы тревоги. Может, ей просто страшно? Ленка умчалась далеко вперед. Вон летит рядом с Гошей. Надо будет, кстати, узнать, что за черные ленточки повязаны на руле трех членов байкерской команды.

Дорофея едва дождалась ближайшей остановки, кинулась к Машке. Та специально отошла подальше от всех, собирала луговые цветы, ждала ее.

– Что стряслось? Чем напугана?

– Вдруг я ошибаюсь, – растерянно развела руками девушка, оглядываясь на байкеров. – Не могу избавиться от ощущения, что за нами погоня. Словно кто-то веревочку привязал к спине и тянет назад.

Вот оно – то, о чем предупреждал Ланс!

Маша поглядела на Ленку, кокетничающую с Лешкой возле байков. Остальные приценивались в придорожном кафе.

– Надо их предупредить. Они рискуют, помогая нам сбежать.

Дора нерешительно почесала затылок. Машка права, не поспоришь. Удивительно, что эта идея пришла в растрепанную голову ей, а не Доре. Врать ребятам дальше смысла не имело. Даже если их бросят на произвол судьбы, рядом есть автобусная остановка.

Дорофея улыбнулась своей копии, ухватила за руку и повела к кафе. Легкий ветер вращал крылья игрушечной ветряной мельницы у входа, алые, синие и белые длинные флажки развевались на длинных шестах на зеленой металлической крыше. Ленка смеялась, запрокинув назад голову, уцепившись рукой за тощее Лешкино плечо.

Парочка не сразу увидела девчонок, а увидев, засмушалась.

– Идите быстрее обедать, иначе наши оглоеды все умнут, – указал им Леша.

– Нам поговорить надо, желательно со всеми вместе, – набравшись храбрости, сообщила Дора.

– Именно. – Машка захотела перехватить инициативу. – Мы сказали вам правду, но не всю и теперь решили открыться полностью.

Лешка вздохнул, отобрал у нее веник пыльных придорожных цветов и украсил им урну.

– Вначале пообедаем, потом исповедуешься перед нами. Дело терпит?

– Обед, наверно, терпит.

Ждать было невыносимо.

Весь обед Лена с Алексеем не проронили ни слова, Гоша поглядывал на них, хмурился. Но сидел он на другом конце сдвинутых вместе столов. У одного из парней, Руслана, в руках оказалась флейта, Женя запел тихо, печально:

– Ее мне звать к себе не надо,
Не отзовется, не придет –
Мое проклятье, рок, награда,
Сквозь ночь стремительный полет.

В руках у Тани зазвенел бубен, она вплела его звон в мелодию. А Дора порадовалась, что угадала увлечение присоединившихся к ним байкеров.

– Как птица, сбившаяся с курса,
Как звук, затихший на губах,
Как мысль, что в такт биению пульса,
Всю душу выжигает в прах.

– Может, не будем больше? – вскочил из-за стола Андрей Соколиный Нос. Нос у него был вовсе не соколиным, а приплюснутым, плоским.

Возмущение проигнорировали, явно подтрунивая песней над его личной печалью. Певец продолжал, голос его был звонок, заполнял все пространство кафе. Хозяин за стойкой не пытался им помешать: кроме молодых байкеров, посетителей в зале не было.

– Она вчера стучалась в окна
И нас бескрылыми звала.
Сегодня навсегда замолкла,
На воле будто не жила.

– Эх, сюда бы саксофон, какой бы блюз вышел! – Таня вдохнула вслед уходящему Андрею.

– Не повзрослела, нет. Сломалась.
Увяла в ритме кратких дней.
Я мог бы чувствовать к ней жалость,
Но от того еще больней.

– Зачем его дразните? – разозлилась Ленка. – Видите, плохо человеку!

– Чтобы очнулся и вокруг посмотрел! – Гоша тоже встал из-за стола. – Как я понял, у нас есть тема для беседы. – Он кивнул Лешке.

– Не здесь. – Маша подошла к двери. – Я хочу с вами наедине пообщаться. Со всеми.

– Интригуешь, девочка, – усмехнулся певец Женя по прозвищу Джон.

А Дора не удержалась, спросила у Гошки:

– О ком была песня?

– О бывшей подруге Андрея, Соньке. Потом как-нибудь расскажу. – Видно было, что ему неприятно вспоминать историю, и девушка отстала.

Они вышли в жар летнего полдня. Высоко в безоблачном небе кружили ласточки. Чуть в стороне, дребезжа металлическими листами в кузове и фыркая, заворачивал на заправку грузовик.

– В чем дело? – поторопил их Гоша, приглаживая синие волосы.

– Если новости в Интернете читаете, наверняка слышали про пилигримов из параллельных реальностей... – Маша сразу пошла в наступление, разглашая государственные тайны. – Так вот, она, – тонкий палец Машки указал на Дору, – прибыла из мира будущего, вселилась в моего клона и теперь ей, а вместе с ней и мне, грозит опасность. Нас предупредил ее парень – тоже пилигрим и сенс вдобавок. Он сейчас в Москве в больнице лежит.

Дорофея прикрыла глаза. Более грубо, откровенно и кратко она бы сказать не сумела.

Гоша шумно вздохнул. Ребята переглянулись.

– Вы рискуете, – добавила Дора. – Если отделаетесь от нас, не обидимся. Автобусная остановка поблизости...

– Нам нужно посоветоваться, – покачал головой Вадим. – Правда, Жорик?

Гоша кивнул, а Дорофея окончательно запуталась с их именами. Почему Гошу зовут Жориком?

Байкеры отошли в сторону. Мигрантка ощутила бурление их эмоций и поставила барьер. Зачем волноваться? Зачем чувствовать их страх и неприязнь более положенного. Договорятся – сами скажут.

Машка нервно переступала с ноги на ногу, поглядывая то на них, то на клона, но молчала. «Как забавно все вышло! Хорошо, что Ника уехала, что Ноэль уехал». Жаль, если совместное путешествие завершится. Ей нравились открытые просторы и свежий ветер, нравилась компания.

Один за другим ребята поднимали руки. Голосовали. По довольной Машкиной физиономии видно – за них. В душе заворчал беспокойство. Что они делают? Зачем рискуют?

– Итак. – Общую волю решил выразить Гоша. – Посреди дороги мы вас не бросим. Вы очень некрасиво поступили, не открыв правду сразу. Но я вас понимаю и зла не держу. Плохо, что из-за вашего побега могут надолго закрыть границы города.

Он обернулся к ребятам, ожидая поддержки. А Дора мстительно подумала: «Знал бы ты, что это второй раз за лето, и все по нашей вине!»

– Я сам немного колдун, экстрасенс по-вашему, чувствую ваше настроение.

– Природный психолог, – поправила Машка. – А сенсы – это...

– Не суть важно, – не стал дослушивать ее пояснения Гоша. – Меня в этом году проверяли у докторов. Сказали – слаб, потенциал низкий, и оставили в покое. Но я видел много таких, как я и вы. Это я к тому, что должен объяснить, почему хочу вам помочь.

– А остальные? – поинтересовалась Дора. В бескорыстие людей она не верила.

– У Тигры, то есть Тани, был клон, – вступился Женя-Джон. – В него вселилась мигрантка. Но она не выжила. – Он обнял смутившуюся девушку за плечи. Ее русые волосы с более светлыми прядями были точь-в-точь, как теперь у Дорофеи после посещения салона красоты. – Так что мы знали о мигрантах-пилигримах и экстрасенсах задолго до шумихи в Интернете. Мы же из Барска!

– Нам действительно вас жаль, – отозвалась Таня. – Я почти не знала своего клона, эту Мириам, которая прожила только четыре дня.

– Тогда мы рады, что вы с нами, – отозвалась Маша, оглядываясь на подъехавшую к кафе тяжелую фуру с прицепом. – Мы готовы ехать дальше.

– Двигаемся до ближайшего города, – решил Леша. – Там переночуем у друзей и ищем попутные машины. На поезд вам садиться опасно.

А где-то в далекой Москве бывшая подруга Андрея – Соня Жужинова обучала собственную копию чистить картошку. На стене в маленькой уютной кухне монотонно бубнил телевизор, транслируя сразу два канала – «Дискавери» и новостной. Картофельные очистки глухо шлепались в пластиковую коробку из-под торта, в кастрюле на плите закипала вода...

«Это только до осени, – повторяла про себя Соня. – Осенью они оставят меня в покое. Только бы вытерпеть!»

Ощущение, что все твои мысли с долей секунды задержки повторяет кто-то другой, приводило в бешенство. Если бы этот «кто-то» не обезьянничал рядом, Соня давно бы побежала к психиатру – сдаваться.

Копия умудрялась дублировать движения человека, следить за происходящим на экране, поглядывать в окно. И Соня старалась всячески избегать встречаться взглядом с этой жуткой пародией на себя саму.

В соседней квартире синхронно копировали все ее действия еще восемь человек – юных, красивых, без искры души. Девятая, смуглая девчушка – настоящая, живая – сидела на табурете в голографической сфере и быстро-быстро перелистывала страницы новостных сайтов. Через девятнадцать минут голографу предстояло отключиться, а девушке – «раскрыть» свое сознание окружавшим ее химерам и поделиться собранной информацией...

Ника. Поселок где-то между Барском и Москвой

Ника выбралась из машины первой, почувствовав запах свежескошенной травы. Синее-синее небо лишь у горизонта занавешивали кучевые облака. Плоскую местность прорезали асфальтированные дороги, слева тянулись двухэтажные домики поселка, огороды, дачи. Но ей туда не нужно. А нужно в парк за зелеными металлическими прутьями забора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.